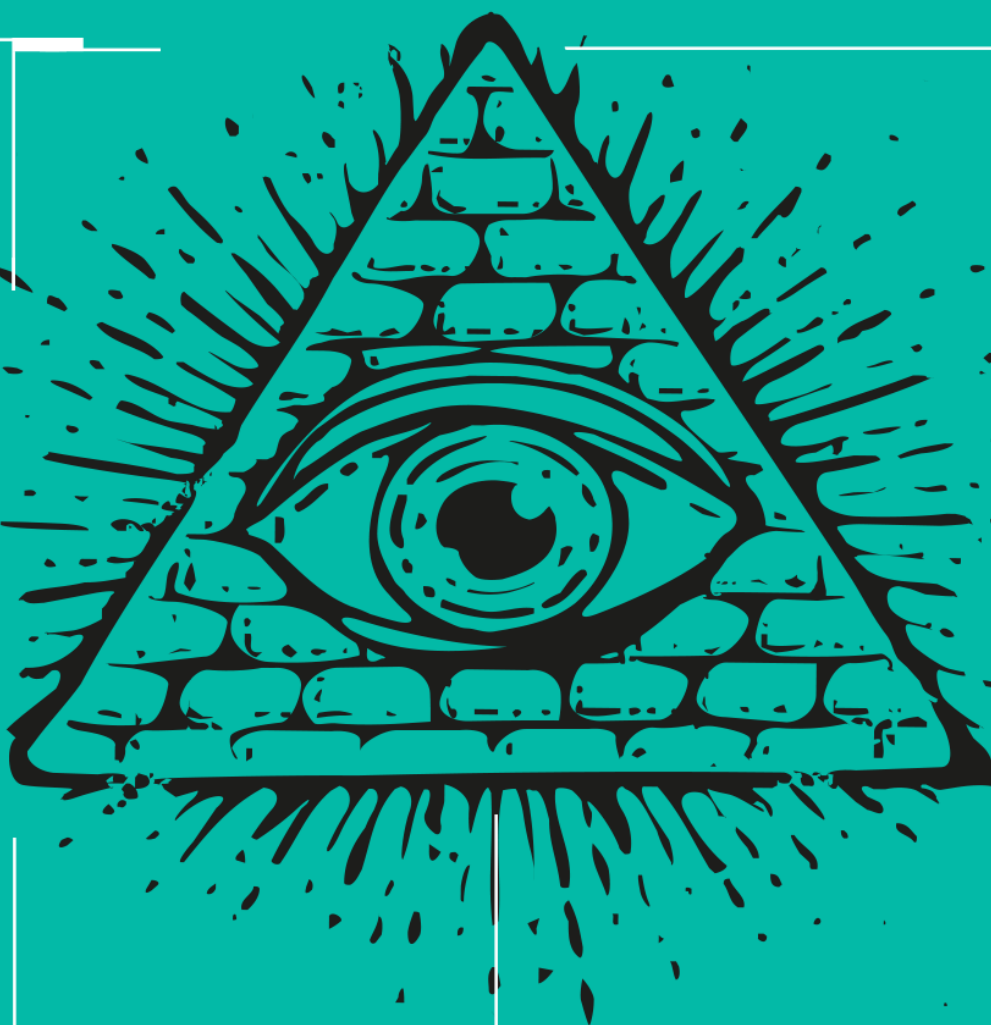

НЕЛЮДЬ

Юлия Латынина

Юлия Латынина

Нелюдь

«ЭКСМО»

2007

Латынина Ю. Л.

Нелюдь / Ю. Л. Латынина — «Эксмо», 2007

Статья первая Конституции Империи Людей гласит: «Все расы равны». Эту фразу можно прочесть над каждой скамейкой, предназначенной «только для людей», и над каждым зданием, в которое могут входить «только люди». Империя Людей победила в четырех сокрушительных войнах. Она победила гигантских барров, с трехметровыми крыльями и клювами, сочащимися ядом. Она спасла угнетенных крийнов – и крийны с тех пор стали рабами человечества. А потом Империя Людей победила страшных харитов, чья биология и математика были чужды всем расам Галатики, чудовищ, у которых не было своего облика и не было «твоего» и «моего». И вот, через семнадцать лет после великой победы человек, родившийся на планете харитов, получает возможность отомстить победителям...

© Латынина Ю. Л., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	23
Глава третья	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Юлия Леонидовна Латынина

Нелюдь

*Совершенство мыслящих существ, быстрота их представлений
становятся тем прекраснее и совершеннее, чем дальше от Солнца
находится небесное тело, на котором они обитают.*

Иммануил Кант

Люди исчерпали свой Путь.

Надлежало изменить его.

Шан Ян

Глава первая

Подписка о сотрудничестве

Все расы равны.

Конституция Империи Людей, ст.1.1

Аристарх Фор почувствовал неладное, как только увидел этих троих. Они шли, четко печатавая шаг, и магнитные подковы их каблучков гремели о плоский литавр палубы. На них были серые комбинезоны без знаков различия, но их никак нельзя было принять за гравииэнергетиков.

Или наладчиков ускорителей.

Или специалистов по системам противозлектронной защиты.

Или любых других спецтехов холдинга «Объединенные космические верфи», штаб-квартира Рамануссен, сектор Чаши, – гигантской компании, выполнявшей с недавних пор три четверти оборонных заказов Империи и, увы, в последнее время несколько сократившей свою долю на рынке контейнерных сухогрузов и частных яхт класса «люкс».

ОФИ. Объединенный Флот Империи. Семь Звезд и Дракон. Казалось, даже воздух замирал по стойке смирно, и молекулы щелкали каблучками, вытягиваясь во фронт.

Впереди шел высокий темноволосый человек со смуглыми точеными чертами: белые зубы, красные полные губы, упругая парабола скул. Хищный мясистый клюв торчал на лице, как обтекатель штурмового космоатмосферника. Аристарх всегда классифицировал людей по клювам, которые у них назывались носами, хотя это было неумно. Люди носом не жалили и не кусались. В крайнем случае они кусались зубами.

Его собственный клюв, – почти тридцать сантиметров ороговевшей кожи с модифицированными сальными железами, выделяющими смертельный токсин танатоферазу, – Аристарху вырезали еще восемь стандарт-лет назад, при приеме на службу в «Объединенные верфи», потому что яд барров был смертельно опасен для людей и потому что люди знали, что барр не будет подчиняться тому, у кого клюв короче.

Это не зависело от спинных полушарий барра. Это зависело от вегетативной нервной системы. Трехметровые барры, с острыми, как лазерный скальпель, когтями, усеивавшими внешний край крыльев, со смертоносным жвал-клювом, с брюшными жгутами, способными разрывать стальные балки, перестали драться друг с другом задолго до появления разума. В ходе ритуального танца они сравнивали носы и подчинялись тому, у кого нос был длинней.

У темноволосого человека, чьи каблучки грохотали по пандусу, был чертовски длинный нос. Аристарх мог только надеяться, что темноволосый ищет кого-то другого.

Над соседним отсеком загудело и налилось красным, из диафрагмы люка с балетной грацией выплыла железная простыня с развороченным револьверным пусковым блоком. Гипербоеголовки со сложенными крылышками антенн походили на споры гигантского одуванчика.

Темноволосый не повернул головы, и сорок тысяч мегатонн законсервированной смерти, казалось, застыли в воздухе, салютуя хозяину.

– Аристарх Фор? Исполнительный директор «Объединенных космических верфей?»

Голос темноволосого был мягок и силен, как жгуты впавшей в экстаз самки.

– Да, – сказал Аристарх. Кончики его крыльев встопорщились, и усеивавшие их острые коготки слились в сплошную режущую кромку, обдирая друг с друга слои лака. Аристарх только порадовался, что он не был человеком. Если бы он был человеком, он бы сейчас побледнел и пошел пятнами. Темноволосый военный наверняка обратил бы на это внимание. Но вряд ли он хорошо был знаком с психосоматикой барров.

Человек вскинул ладонь в приветствии. Каблуки щелкнули, как курок.

– Коммодор Синего Флота Аоко.

– Чем обязан?

– Плановая проверка. Император просит составить нас рапорт о продвижении ремонтных работ на борту ОФИ «Эдем».

Если бы Аристарху при поступлении на службу не отрезали клюв, он бы вонзил его в себя. Или в незнакомца. Но сейчас заложенная в него психофизиологическая программа диктовала почти инстинктивное подчинение особи с более длинным носом.

– Прошу пожаловать в мой офис, – церемонно поклонился трехметровый барр.

* * *

Кабинет исполнительного директора был его гордостью и убежищем. Вся левая сторона кабинета была заставлена голограммами отцов, братьев и племянников Аристарха. Вся правая жидкокристаллическая стена была занята изображением черного звездного неба, в которое всплывали стальные фермы станции и далекий елочный шарик Аркуссы.

Два года назад принц Севир выбил для Аркуссы два миллиардов эргталеров на ликвидацию последствий наводнения в округе Гиш. На поверхности планеты не было не то что реки или моря – даже лужи на ней вот уже тридцать тысяч лет как не было, всю воду доставали с трехкилометровой глубины, и ликвидировать наводнение на Аркуссе было все равно что подогреть спичкой голубую звезду.

Тогдашний министр финансов докопался до истины и поднял ужасный шум. Шум возмущил императора Теофана, и министра финансов посадили в тюрьму. «Если кто-то проворовался, – сказал тогда император, – то следует доложить мне, а не публике. Стирку грязного белья на широкой публике я рассматриваю, как признак нелояльности». Аристарху тогда очень понравилось поведение императора Теофана. У барров тоже было не принято выносить хвост за пределы гнезда.

Аристарх был очень горд, что император людей ведет себя как настоящий барр.

Аристарх посторонился, пропуская спутников коммодора, и тут оказалось, что их уже не трое, а шестеро: похоже, этот подвид человечества размножался почкованием. Трое зашли внутрь, а трое остались у дверей и замерли, словно их выключили, положив одинаковые широкие ладони на рубчатые рукояти станнеров, – не особи, а носители операционных систем по управлению ручным оружием.

Аристарх сел за стол, и темноволосый коммодор сел напротив. Над черной поверхностью стола парили Семь Звезд и Дракон, пол кабинета был застелен псевдоживым ковром из акрилий. Говорили, что он усиливает положительные эмоции. Но Аристарх этого никогда не замечал. Наверное, ковер действовал только на людей.

Темноволосый коммодор вежливо ждал.

Барр одним нажатием клавиши согнал со стола герб, и над ним возникло голографическое изображение «Эдема».

Древний баррийский военачальник заметил, что воин должен держать свое сердце пустым, ибо пустота – основа всему. Пустота – это как дыра в колесе. Там ничего нет, но именно благодаря дыре вращается колесо. Дредноут «Эдем», как и любой корабль его класса, выполнял заветы баррийского военачальника и был тем же самым колесом, с той только разницей, что это не колесо вращалось вокруг пустоты, а пустота вращалась внутри колеса.

Два с половиной километра брони, стали, гравитоники, ракетных шахт, труб охлаждения, криогенераторов были насажены, как леденец на палочку, на полую трубу линейного гравиколлайдера. В рабочем состоянии столб сжатой гравитации, способной разнести на атомы мелкий астероид или заскочивший под линзу челнок, вырастал впереди и сзади корабля на расстоянии до пятисот километров, и «Эдем» скользил вдоль миллионнотонной пустоты, как кольцо по палочке.

Боевые корабли класса «Эдема» назывались линейными, и Аристарх Фор всегда полагал, что линейными называются суда с линейным, а не циклическим ускорителем. Однако однажды в книге, посвященной истории Земли, Аристарх прочитал про линкор HMS Victory, с палубы которого человек адмирал Нельсон руководил сражением при Трафальгаре в 670 г. до э.и.

Аристарх некоторое время пытался себе представить, где был расположен линейный коллайдер у парусного корабля и как вообще инженеры Земли в такое раннее время смогли решить проблему использования гравигенераторов в атмосфере, а потом понял, что адмирал Нельсон сражался на палубе какого-то другого линкора. Оказалось, что тогда «линейными» назывались корабли, которые образовывали боевую линию.

После этого Аристарх долго соображал, что такое *боевая линия* и зачем в нее строиться кораблям, потому что в космосе корабли всегда строились в *боевую стену*, пока до него не дошло, что *линия* – это та же стена, только в пространстве с числом измерений меньшим на единицу.

– Дредноут «Эдем», – сказал исполнительный директор верфи, – был флагманом Флота Освобождения во время войны с харитами. На тот момент он являлся третьим по величине кораблем Империи. Протяженность цитадели составляет 2300 метров, или 87 % длины корабля в продольном сечении. В защите корабля применен принцип так называемой четырехфазной брони. Главный броневой пояс высотой двадцать семь метров выполнен из armorпласта толщиной 510 мм, а в районе гравикомпенсаторов и мостика, – 570 и 570 мм. Армопластовые плиты уложены на композитную рубашку толщиной 20 мм. Поверх armorпластовых плит нанесена наномолекулярная противолазерная броня, способная к самосборке.

Четвертая фаза брони – силовое поле, наводимое переменным полем Нессиса и эквивалентное armorпластовой плите толщиной 740 мм. Armorпласт траверзных полупереборок имеет толщину 490 мм. Барбетты лазерных установок имеют толщину 530 мм, а броня в районе ракетных установок дальнего боя – 540 мм. Главный командный пункт имеет 600-мм стенки и 210 мм крышу, а также автономные генераторы Нессиса. Палубные и поперечные переборки с броней от 50 до 400 мм. Четырехфазный принцип бронирования обеспечивает непробиваемость главного пояса, траверзов и палуб в районе цитадели любым видом оружия, за исключением гипербоеголовок типа «Борей» и «Борей-М» и включая стандартную термоядерную боеголовку типа «Хризантема» при подрыве ее на расстоянии свыше 350 метров.

Главная энергетическая установка корабля представляет из себя линейный гравитационный ускоритель, способный обеспечить в обычном пространстве ускорение до 6100 g, и гиперскорость до 117 с. Разгонные элементы ускорителя унифицированы с линейным крейсером проекта «Минос» и эсминцами проектов 237 и 362. На дистанции дальнего боя револьверные блоки корабля могут одновременно выпустить по цели, находящейся на расстоянии до 35 млн.

км. залп из двухсот восьмидесяти стандартных ракет класса «Каскад». Двадцать две установки энергетического оружия – рентгеновские лазеры с ядерной накачкой типа «Скиф» – способны поразить цель на расстоянии до двухсот тысяч километров.

Темноволосый коммодор поднял руку, и Аристарх Фор, только что собиравшийся поговорить о новых ракетных сенсорах, реагирующих на смену вертикальной составляющей гравитационного поля под корпусом цели, замер.

– Я умею читать, – сказал темноволосый.

– А... э...

«Зачем я заговорил на языке людей? – вдруг пробежало молнией по спине, – надо было вызвать переводчика. Тогда любые неточности и ошибки можно было бы списать на плохой перевод». Но вызывать переводчика было поздно.

– В ходе борьбы с превосходящими силами противника принц Севир отдал приказ покинуть корабль, – сказал Аристарх, – дрейфующий дредноут был найден четыре года назад благодаря усилиям молодежного движения «севиры», которое ставит своей целью розыск и сохранение всех памятников великой войны за выживание человечества. Он был в ужасающем состоянии. Семнадцать отсеков корабля отсутствовали. Принудительно отстреленный компенсатор взорвался в ста метрах от корпуса корабля, причинив почти необратимые повреждения гравитонике, системы вооружений повреждены на восемьдесят процентов. Однако гравиколлайдер был в хорошем состоянии, семьдесят процентов генерирующих элементов давали достаточную энергию для разгона и прыжка. Корабль был приведен сюда, на «Объединенные верфи», и с тех пор наши инженеры и техники проделали титаническую работу по ремонту и перевооружению корабля.

– Пять на десять в девятой эргталеров, – сказал темноволосый коммодор, – из них два на десять в девятой – за последние полгода. Работы полагалось закончить полтора года назад.

– Да, – кивнул Аристарх, – но три года назад было принято решение установить на корабле тактические ракеты класса «Каскад» с гипербоеголовкой «Борей», с дальностью локального скачка в тридцать метров, и полезной нагрузкой до тысячи двухсот килограмм. Нам пришлось переделать сорок две шахты. А еще через полтора года вместо «Борея» решили ставить новый «Борей-М», и это снова потребовало переделки корпуса. Нам пришлось резать пятисотсорокамиллиметровый armorпласт с псевдоинтеллектуальным противолазерным покрытием.

Темноволосый коммодор глядел на сведенные когти барра. Аристарх вспомнил, что на космофлоте читают отдельный курс по психосоматике чужих. Может быть, этот проклятый коммодор был отличником.

– Давайте посмотрим, – сказал коммодор.

– Конечно. Вот документация.

И Аристарх вежливо протянул коммодору белый немаркированный чип.

Коммодор вставил чип в торцовый разъем. «Эдем» погас. Вместо него на плоской поверхности стола загорелся логотип Высокого банка Локры. Сухая веревочка букв предложила владельцу чипа ввести произвольно выбранный код для последующей идентификации, а также произвольную сумму денег, которую он желает перевести на свой счет.

Глаза коммодора текли по строчкам. Аристарх затаил дыхание.

– Я должен осмотреть корабль, – и коммодор вырвал чип из стола.

Двери кабинета беззвучно разошлись в стороны, и исполнительный директор «Объединенных космических верфей» обнаружил, что за ними стоят уже не трое, а девятéro. Металлические сферы шлемов были наглухо закрыты, тяжелая броня активирована, не позволяя определять, люди это были или модификаты.

Почему-то штурмового отряда Аристарх уже не испугался. Может быть, потому, что металлические сферы скрывали клювы людей.

* * *

Вторая группа захвата стояла возле стационарного шлюза в секторе АС-23-В. Восьмеро в активированной броне держали под прицелом небольшую гражданскую охрану верфей, и заместитель Аристарха, непосредственно отвечавший за ремонт «Эдема», радостно было рванулся к барру.

Заметил сопровождающих, махнул рукой и сник.

Сквозь бронестекло шлюза был виден уходящий к звездам корпус «Эдема». Корабль был так велик, что из иллюминатора бока его казались плоскими; так океан кажется плоским тому, кто стоит на берегу. Поверхность корабля была вся в кучках и рытвинах, как это обыкновенно бывает с наномолекулярной броней после близкого термоядерного взрыва. Даже если сегмент брони не уничтожен, излучение повреждает псевдоинтеллектуальные связи молекул, и вместо того, чтобы растечься ровной «сборкой», они собираются в узлы и кусты, скручиваются коралловыми зарослями.

Темноволосый коммодор обнажил в улыбке зубы, белые, как перья молодого барра, и сказал:

– Будем надеяться, что ваши «Бореи» лучше вашей брони.

Аристарх ничего ему не возразил. Бессмысленно возражать, если у тебя нет клюва.

Осмотр корабля занял около двух часов. Собственно, это было занятие вполне бесполезное. Состояние «Эдема» мог заподозрить любой, кто видел броню; всякие сомнения исчезали на капитанском мостике. Огромный дрендоут в девятьсот тысяч тонн массы покоя пребывал в совершенно том же виде, что и пять лет назад, когда поврежденный «Эдем» выудили из звездного сора в секторе Весы. Разгерметизированные отсеки, разорванные жилы трубопроводов; семь палуб, вскрытых одна за другой, аккуратно, как кесаревым сечением, при аварийном отстреле гравикомпенсатора.

Четыре года и пять миллиардов на реконструкцию третьего по величине линейного корабля империи испарились бесследно.

Аристарх всегда знал, что это случится. Но он не мог предать президента компании. Он даже подозревал, что его взяли на работу именно потому, что барры всегда верны старшему.

В Гнезде это проблемы не вызывало. Так уж был устроен мир. Поздний был верен Раннему, Ранний – тому, кто был еще Раньше, тот, кто еще Раньше – тому, кто был еще Раньше, и так как каждый нижестоящий член Гнезда никогда не мог предать вышестоящего, в обществе царил полная гармония.

Проблемы начинались, если барр работал с людьми. Барр, – разумеется, если лишить его клюва и яда, – никогда не мог предать своего начальника-человека. Но это, увы, не означало, что начальник-человек не будет предателем.

Через два часа Аристарх, вслед за темноволосым коммодором, вернулся в капитанскую рубку. Здесь, в этой части корабля, чувствовалось слабое тяготение, – дредноут входил в искусственное гравитационное поле станции. На пульте горели россыпи огоньков, и несколько явившихся с коммодором офицеров Синего Флота деловито пощелкивали кнопками.

Вооруженная охрана была тут же. Трое техников стояли лицом к стене, расставив ноги на ширину плеч и положив руки на стену.

Коммодор достал чип, который дал ему Аристарх, сунул его в терминал и пробежал пальцами по клавиатуре, набирая необходимые коды. Потом вырвал чип и сунул его в карман. От эдакой наглости у Аристарха аж встопорщились перья.

– Ну что, евнух, – спросил темноволосый, – это корыто хотя бы летает?

– Я не евнух, – сказал Аристарх, – я могу иметь потомство.

Взгляд темноволосого неторопливо пропутешествовал по чужаку, снизу вверх, задержавшись на спиленном клюве и наманикюренных когтеперьях. Кончики губ человека поползли вверх, открывая белые великолепные зубы, и Аристарх понял, что он сейчас отпустит какую-нибудь грязную шутку насчет шансов на то, что какая-нибудь баррийская самка создаст семью с самцом со спиленным клювом. Аристарх был по крайней мере на метр выше человека. Он мог бы рассечь его одним движением режущего крыла, как гравитационный кильватер крейсера рассекает пополам зазевавшийся челнок. Но почему-то Аристарху казалось, что человек глядит на него сверху вниз.

– Запусти ускоритель, Кари, – сказал коммодор.

И повернулся к Аристарху:

– Предупреди диспетчеров. Пусть очистят коридор.

Строго говоря, проверять работу ускорителя не было никакой необходимости. Ускоритель в общем-то не мог испортиться. Трудно испортиться чему-то, чей главный рабочий орган – ничто. Но Аристарх был так перепуган, что и не вздумал протестовать. Он молча набрал коды и четко, по-военному, отдал распоряжения.

Он жалел только о том, что главная энергетическая установка действительно была в порядке, и потерявший фазу ускоритель не мог разнести корабль на куски.

Темноволосый сам сел в пилотское кресло. Корабль ощутимо дрогнул, сила тяжести прыгнула вверх, и тросовые генераторы станции оттолкнули от себя почти трехкилометровое веретено. Нос и корму дредноута окутало белым свечением, – это энергия стекала с гравитационной линзы, узкой еще и маленькой, не выходящей за пределы корабля больше чем на двести метров.

Коммодор был поистине опытным пилотом: груда металлолома с массой покоя в девятьсот тысяч тонн скользила по линзе мягко, словно космическая яхта.

Аристарх молча сел в одной из пилотских кресел, обхватив наманикюренные коготки брюшными жгутами. Он чувствовал себя ничуть не лучше тех шести тысяч обреченных, которые десять лет назад, под грохот лопающихся переборок и вой радиационных детекторов, пытались покинуть корабль.

«Превосходящие силы противника!»

Самой главной, постыдно скрываемой тайной «Эдема» было то, что корабль уничтожили люди. Горстка отщепенцев и ренегатов, воевавших в войне человечества и харитов на другой биологической стороне, – стороне столь чудовищной, что противостояние ей сплотило все расы галактики вокруг императора людей.

Именно корабли людей, живших на Харите, атаковали на орбите Флот Освобождения. Лишенные памяти, превращенные в ходячие куклы, несчастные поселенцы Харита с промытыми мозгами без тени колебаний сражались против тех, кто пришел принести им свободу, и именно самоубийственная атака крошечного корвета под командованием самоубийцы по имени Эйрик ван Эрлик повлекла за собой необратимую цепь событий, кончившуюся гибелью «Эдема».

И именно корвет ван Эрлика потом устроил чудовищную бойню, расстреливая тех, кто успел выбраться в космос в маленьких, лишенных двигателей и оружия, спасательных ботах. Из двух тысяч восьмисот человек, успевших сесть в боты, спаслись двести семнадцать.

Каждый раз, когда Аристарх думал о том, что глава «Объединенных верфей» предает императора людей, он вспоминал про Эйрика ван Эрлика, который предал все человечество.

Люди – ужасные создания.

Горошина Аркуссы висела в левом углу. Красная звездочка в центре экрана мигнула и сменилась синим. Корабль вышел из зоны гравитационной дифракции.

– Подготовка к прыжку, – сказал темноволосый коммодор.

Аристарх изумленно вздохнул. «Эдем» был наверняка способен к прыжку. Провели же его через гипер пять лет назад! Но в этом уж точно не было надобности. Любая инспекция могла убедиться в состоянии корабля, не рискуя превратиться в ведро кварков, расплесканное от звезды до звезды.

– Но зачем? – сказал Аристарх.

Закованный в силовую броню штурмовик ударил прикладом веерника по мягкому подбрюшью над гузкой барра. Другой выхватил из кармана стальные наручники, и через секунду задыхающийся, ослепший от боли Аристарх был пристегнут за шею к титановой решетке накопителя.

– Пятый, синхронизация, – сказал темноволосый в черную лапку комма.

– Есть синхрон, – отозвались из реакторного отсека.

– Треть мощности, – приказал коммодор.

Сверкающее копьё гравитационной линзы выросло до двухсот километров. Тяжесть мгновенно стала нормальной, ускорение перевалило за 60 g, Аристарх с ужасом подумал о том, что будет, если сейчас откажет гравикомпенсатор.

– Опора прыжка: альфа, семь, семь, три, альфа, один, шесть, гамма, две семерки и пять.

– Есть опоры.

Цифры на экране сменяли друг друга.

– Пороговая мощность.

– Есть порог!

– Старт.

Мощность на экранах стремительно рванула вверх. Адронный коллайдер работал бесшумно, разгоняя частицы до энергий свыше десять в двадцать седьмой градусов по Кельвину, – энергии, за порогом которой исчезает разница между электромагнитным и ядерным взаимодействием.

Температура в линейном столбе пустоты, закутанной в кокон силовых полей, сравнялась с температурой молодой Вселенной в первые десять в минус тридцать пятой секунды ее существования. Пространство и время исчезли. Аристарха вывернуло пером внутрь и потащило сквозь изнанку Вселенной.

Потом была темнота, хрустальный шар времени, раскалывающийся на прошлое и будущее, – и на Аристарха с центрального экрана глянула белая россыпь других созвездий.

– Сверить координаты, – сказал темноволосый коммодор.

– Немедленно освободите меня, – потребовал Аристарх. – Вы не имели права! Вы... вы могли...

– Это – Таласса, – сказал темноволосый, ткнув пальцем куда-то поверх звезд. – Маяк в спасательном боте включится автоматически через пять часов. Если повезет, через пару суток вас подберут.

– Но, коммодор!

Темноволосый военный поднялся, и крылья его носа вздулись, как крылья шаттла перед посадкой. Глаза его были цвета вакуума.

– Я не коммодор, *A_ar'st*, – сказал темноволосый, – и я не служу твоей гребаной империи. Меня зовут Эйрик ван Эрлик, и я только что угнал эту старую лохань, которая... как ты сказал? «Превосходящие силы противника»?

Почему-то больше всего Аристарха Форэ поразило, что Кровавый Пес Эйрик назвал его настоящим именем, *A_ar'st*, *Перо_чистоты*, именем, право на которое он безвозвратно утратил вместе с клювом и ядом, и две щелкающих гласных были воспроизведены при этом в диапазоне частот, считавшихся недоступными человеческому горлу.

* * *

Огромный желудок космоса переварил серебристую капсулу спасательного бота: она давно исчезла с экранов, и только в тактическом кубе на расстоянии двух световых минут от дредноута вспыхивал зеленый треугольник, при прикосновении разворачивавшийся в целую лесенку технических характеристик, запросов системы «свой-чужой» и цифр транспондерного кода.

Человек по имени Эйрик ван Эрлик сидел в капитанском кресле; он был все в том же сером комбинезоне без знаков различия, мешком свисавшем с художавой фигуры. В гладкой сенсорной панели отражалось его лицо: смуглое, неправильное, с огромными черными глазами, впалыми щеками и чересчур длинным носом. Правая бровь была изломлена там, где когда-то в кожу над глазом вошел раскаленный осколок. Шрама не осталось, но бровь, с этого места, шла вверх.

С обзорной панели в глаза Эйрику глядела Вселенная: бескрайний бархат тьмы, засеянный редкими термоядерными кострами; над звездами парил портрет розовощекого толстяка в белоснежной форме, затканной золотом от погон до обшлагов, – последний хозяин «Эдема», командующий Флота Освобождения принц Севир. Портрет улыбнулся и вскинул руку в жесте победы, а потом надел белый берет командующего.

Из расступившихся лепестков люка плеснуло довольным мужским гоготом. Ван Эрлик скосил глаза. За ним стоял его старпом, Шеб.

– Трус, – сказал ван Эрлик, – какой трус. На этом корабле три установки, каждая из которых способна компенсировать семьдесят процентов максимального ускорения. Он приказал покинуть дредноут после аварийного сброса одного из компенсаторов.

Шеб был в какой-то полосатой майке и длинных серых подштаниках. Как и от всякого человека, вылезшего из силовой брони и не удосужившегося помыться, от него изрядно поваживало. Шеб взмахнул крепким волосатым кулаком с зажатой в нем стеклянной бутылочкой.

– Никогда не думал, что мы это провернем, – вскричал Шеб, – клянусь яйцами ттакки! Девятьсот тысяч тонн металлолома! Еще один такой рейд – и мы можем все купить по ферме и выращивать биочипы до самой старости.

Ван Эрлик молча глядел на черную броню космоса, усеянную царапинами звезд. Командующий Флотом Освобождения принц Севир опять улыбнулся ему и вскинул руку, а потом занялся беретом. Он улыбался и вскидывал руку каждые пятнадцать секунд.

– Или до того времени, когда пираты позарятся на твои биочипы.

– Кому нужны мои чипы, – искренне возмутился старпом, – ты, Эйрик, разве будешь нападать на ферму, если есть возможность украсть целый корабль?

– Если таких, как мы, станет много, то кораблей будет все меньше, и придется грабить фермы, – откликнулся смуглый коммодор.

Вместо ответа раздался звон упавшего стекла.

Ван Эрлик оглянулся. Шеб стоял, нелепо раскрыв рот. Кривые пальцы скребли переборку. Из вентиляционного отверстия в переборке поднимались клубы зеленоватого дыма.

Ван Эрлик молча нажал кнопку. Мешковатый его комбинезон мгновенно изменил твердость и цвет, взвизгнул сервомотор пилотского кресла, прозрачная пленка шлема с негромким чавканьем облепила лицо и присосалась к вакуумному воротнику.

Ван Эрлик выхватил веерник и выскочил из рубки.

Вдоль отсека летел человек, и за ним – лоеллианин. За спиной человека билась радуга «блюдечка». Лоеллианин бежал не то по палубе, не то по переборкам, заполнив чернильной тушей пол-коридора и отталкиваясь ложноножками сразу и от пола, и от потолка.

Поправка номер три к Закону о Расах отказывала лоеллианам в статусе Разумных. Злые языки утверждали, что Живоглот Ли в свое время добился Поправки номер три не столько из-за ограниченности лоеллиан, сколько из-за их чрезвычайной агрессии по отношению ко всему, что не напоминало трехтонный черный мешок с псевдоподиями, способными разорвать пополам стальную балку.

Впрочем, было известно, что если лоеллианина с первой клетки воспитает человек, то агрессия по отношению ко всему, что не напоминает мешок с ложноножками, сменялась агрессией по отношению ко всем, кто не является воспитателем.

Чужим было запрещено служить в Службе Опек. Животным – можно. Впрочем, когда обрадованные магнаты стали заводить себе домашних любимцев-мешочников, эдикт императора Валентина приравнял владение лоеллианином к владению лучевым и интеллектуальным оружием.

Ван Эрлик выстрелил. Луч прошел лоеллианина насквозь, испепеляя псевдокости, густо обросшие жгутами центральной нервной системы. Палуба задрожала от удара трехтонной туши. Поводырь в броне влетел в черный мешок, брызнула и зашипела плавиковая кислота, используемая в вакуолях ксеноморфа как источник энергии. Обмотка «блюдечка» перегорела, и вслед за ней сорвало силовую петлю. Поводырь рухнул ничком, и, ошарашенный, стал подниматься на ноги. В воздухе отвратительно воняло жженым чужаком и керамитом.

Тут же двое свалились откуда-то сверху, как пауки, – один закричал, когда выстрелом ему оторвало руку, другой и закричать не успел.

Оба напавших были затянуты в черную с серебристым просверком бронеткань. Цвет – ерунда, цвет этой экипировки хамелеон, рассеянный чип сам определял преобладающие цвета помещения и выбирал максимально незаметный, а вот на плечах у этих парней, если приглядеться, можно разглядеть эмблему: семь кругов – семь солнц семи цветов радуги, и все семь солнц держит в когтях дракон с распахнутыми крыльями, с рогом на лбу и одним глазом. Дракон – тот же хамелеон с пририсованными крыльями, и сама Служба Опек – хамелеон с когтями и веерником...

Над головой загремела общекорабельная связь:

– Ван Эрлик! Именем императора – сдавайтесь!

Яйца ттакки! Если у них связь – то у них и обзор. Они видят его...

До аварийных ботов – две палубы.

Ван Эрлик поднял веерник и выстрелил – луч вздрезки разнес черный видеошар, плававший под потолком. В следующую секунду луч рубанул наискось по вентиляционной решетке – та с грохотом упала, открывая путь на нижние палубы.

Ван Эрлик головой вниз бросился в отверстие.

Когда он пролетал между пятой и шестой палубой, «Эдем» мягко содрогнулся, кто-то врубил компенсаторы на двойной режим, палубы с удесятеренной скоростью рванулись мимо, и ван Эрлик, вместо того, чтобы приземлиться на руки в легком поле инверсного тяготения, с хрустом вляпался в пол с ускорением в 2g.

Так попасться! Так глупо попасться!

* * *

Карие немигающие гляделки были как шурупы, ввинченные в желтовато-смуглую кожу, обвисшую складками тормозного парашюта. Тыква лица выпирала из белоснежного чашечника воротничка, а лысая макушка была прикрыта такой же белоснежной шапочкой.

Лицо было знакомо ван Эрлику хорошо. Настолько хорошо, что он сначала решил, что это бред или нейрограмма, потому что это лицо никак не могло нависать над ним и смотреть ему в глаза так, словно хотело пробурить в голове дырку и выпить через нее душу, но потом

ван Эрлик моргнул раз, и другой, и оказалось, что это действительно император Теофан, Отец Сына Всех Гнезд, Прародитель Лоеллиан, Матка над Маткой Крийнов, Средоточие Локров, повелитель людей и нелюдей, – и он нависает над ним наяву, в роскошной трехмерной рамке на стальной переборке карцера.

Эйрик ван Эрлик моргнул еще раз, и увидел через полупрозрачного императора еще одно лицо, отраженное в стальном зеркале переборки, – свое собственное. Не лицо, а белую скорлупу биопласта с дырками для глаз и для рта.

Не имело смысла спрашивать, что случилось. Девятьсот тысяч тонн массы покоя – вполне достаточно места для того, чтобы разместить в развороченных отсеках не то что группу, а целую армию захвата.

Усомниться в том, что его ждет, было трудно. Его разыскивали по всей империи, и не затем, чтобы представить к награде «за спасение потерпевших крушение».

Интересно, его сначала допросят или сразу расстреляют?

В Галактике было много влиятельных людей, которые отдали бы любые деньги, чтобы заткнуть ему рот. И не меньше влиятельных людей, которые отдали бы любые деньги за то, чтобы он рассказал, почему именно другие влиятельные люди хотят заткнуть ему рот.

Койка, на которой он лежал, едва заметно вибрировала, сила тяжести была где-то 0,8 g. Император Теофан заполнял две трети объема карцера, и ван Эрлик заметил, что коробочка голопроектора находится у него в ногах, где-то на уровне пояса.

Коробочку было довольно легко закоротить. Для этого достаточно было плеснуть в нее водой, или (ван Эрлик повертел облепленной биопластом башкой и ничего, кроме себя, койки и Теофана, в карцере не обнаружил) – или попросту на нее помочиться.

Ван Эрлик отбросил простыню и резко сел на кровати. И тут же тело, сверху вниз, вспороло клинок боли, – колени пирата подогнулись, он рухнул на пол, подставил руку, чтобы уберечь голову, и новая боль была уже не клинком, а волной, океаном, накрывающим пловца с головой и бьющим его о камни.

Боль отпускала минут пять. Ван Эрлик, мокрый, сидел спиной к стене, откинув голову и вытянув перед собой руки. На них красовались нейронаручники. Любое резкое движение – и соответствующий импульс твоей нервной сети транслируется браслетом и возвращается обратно болью. Чем быстрее движение, тем острее боль. А он, ван Эрлик, двигался очень быстро.

Встав так осторожно, будто он был стеклянный, ван Эрлик повернулся лицом к коробочке голопроекта, и расстегнул мотню. Император зашипел и погас. Стальная стена за спиной пленника отъехала в сторону.

Ван Эрлик неторопливо повернулся. Около растворившейся диафрагмы двери стояли двое «боевых хамелеонов». Камуфляжный режим был отключен, комбинезоны сияли ослепительной белизной, которая по мнению Службы Идей должна была означать необычайную чистоту помыслов Службы Опек. Но для любого, хоть немного разбирающегося в биочипах, она означала просто один из режимов работы комбинезона-перевертыша.

У «хамелеона», стоявшего справа, на плечах были нашивки курсанта Высшей Школы Опек. Ему было лет шестнадцать, не больше – возраст, в котором на патриархальном Харите уже становились мужчинами, а в более индустриальных обществах еще только заканчивали школу. У него был пухлый детский подбородок и глаза цвета арморпласта.

– Что ж вы императора-то в карцере держите, – спросил ван Эрлик, неторопливо застегивая ширинку.

Курсант ничего не ответил, а другой «хамелеон», постарше, вынул из кобуры станнер и, нацелив его чуть ниже пояса, сказал:

– Вылижи.

Ван Эрлик молча ударил его. Когда знаешь, что боль придет, ее можно немного контролировать, и удар получился довольно внушительный, сержант отлетел к переборке метра на три, а ван Эрлик рухнул на пол, подкошенный серебряным хлыстом боли. Сержант вскочил мгновенно и поддел заключенного ногой в живот, ван Эрлик заорал, и когда пират уклонился от следующего пинка, боль от быстрого движения оказалась куда сильнее боли от удара.

– Прекратить!

Ван Эрлик медленно приходил в себя. Он сидел на полу, запястья, схваченные нейрона-ручниками, пылали так, словно их сунули в реактор.

– Что вы себе позволяете, сержант? – резко сказал курсант Школы Опеки.

И, повернувшись к ван Эрлику:

– Два часа назад ты убил его сына.

Ван Эрлик молча посмотрел на сержанта. Красные лопатообразные руки, торчащие из белоснежных рукавов, были усеяны шрамами от плавиковой кислоты. Преданность – дорога с двусторонним движением. Трехтонный мешочник считал врагами всех, кроме своего воспитателя. Чтобы добиться такого эффекта, мешочника не оставляли ни на секунду. Поводырь лоеллианина тоже не имел в жизни ничего, – ни семьи, ни детей, ни друзей, – одну только выросшую в его ладонях клетку, превратившуюся в черную тушу, с которой он ел, спал, жил, и разговаривал настолько, насколько туша его понимала.

– Жаль, что не тебя, – отозвался ван Эрлик.

Курсант ничего не ответил пленнику. Детские пухлые губы обиженно дернулись.

* * *

Лепестковые двери разошлись бесшумно – ван Эрлик, зажатый между конвоирами, шагнул в залитый ослепительным светом медотсек.

Шуршали, как мыши, приборы, в воздухе над командным столом сновали кривые и числа, у человека за столом были белые волосы с черными кончиками и глаза с характерным фиолетовым просверком, выдававшим уроженца столичной Митры. На белом кителе сверкали серебряные погоны, на груди – алый трилистник. Медаль «За доблесть и принца Севира», – выпущенная в считанных экземплярах после войны. По официальной формулировке, медаль вручалась «не токмо за героизм и храбрость, но ежели отличившийся совершил нечто, приблизившее час победы над чудовищами, или действиями своими способствовал устранению смертельной для человечества угрозы». Всего медалей было роздано двести тринадцать штук, к каждой полагались сорок тысяч гектаров земли на планете рождения. Если присмотреться, было видно, что ровные полоски погон слегка шевелятся: паразитирующая ткань. Технология локров.

Но не человек приковал к себе внимание ван Эрлика.

Вдоль левой стены медотсека, отражаясь в гроздьях экранов и слепя глаза зеркальными гранями, стояли тринадцать саркофагов с включенной системой искусственного жизнеобеспечения. Посверкивали зеленые огоньки, свидетельствуя исправную работу оборудования, и время от времени над командным столом вместо цифр и кривых возникало чье-то запрокинутое, без кровинки, лицо.

Тринадцать саркофагов, которые в любой момент могут превратиться в тринадцать гробов. Тринадцать выживших членов его команды.

Позвоночник ван Эрлика заледенел.

Стажер усадил ван Эрлика в кресло напротив командного пульта и захлопнул тяжелые захваты на руках и ногах. В грудь впились присоски датчиков. Напоследок курсант снял нейронаручники, повернул правую руку ван Эрлика ладонью вверх и всадил в вену тонкий волос детектора.

В ходе допроса сотни датчиков проанализируют реакции пленника; прочтут все, что можно прочесть, и часть того, что прочесть невозможно. Ван Эрлик не сомневался, что запись допроса будут изучать снова и снова, хотя основные данные сидящий перед ним человек мог видеть уже сейчас. Ван Эрлик не думал, что изучение записи много добавит сидящему перед ним человеку. Он наверняка читал приборы в реальном времени.

С его опытом он мог бы обойтись и без приборов.

Коренастый сержант отдал честь и вышел. Шестнадцатилетний курсант повернулся, как кошка, в поисках удобного места, и сел на крышку одного из саркофагов.

– Мне надо представиться? – спросил человек с серебряным трилистником.

– Нет, полковник Трастамара, – ответил пират.

Глава оперативного штаба Службы Опеки генерал полковник Станис Александр Рашид Трастамара охотился за ван Эрликом уже три года. Охота стоила ван Эрлику двух уничтоженных корветов, а Трастамаре – трех выговоров от императора. Полковник Трастамара не любил публичности. Ван Эрлику пришлось выложить полтора миллиона эргталеров за его видеоснимок.

В сложной системе званий и иерархий «полковник» было собственным чином Станиса Трастамары, а «генерал» – наследственным званием одного из древнейших родов империи, восходящих к ближайшему сподвижнику императора Чеслава. Кроме титула император, сам не склонный к сентиментальности, наградил соратника нежным прозвищем «Живоглот», под которым тот и вошел в историю.

Потомок легендарного Живоглота, генерал и полковник Станис Трастамара чуть улыбнулся глазами цвета стратосферы.

– Почему ты решил угнать «Эдем»?

– Ностальгия.

– Ты не удивлен, что тебя еще не убили?

– Я не думаю, что хоть один палач из СО расстреляет меня до того, как узнает номера моих счетов.

Вместо ответа полковник Трастамара щелкнул по одной из сенсорных кнопок, и на саркофаге за его спиной потухли огоньки. Тревожно запищало, над столом заматались оражневые кривые.

– Еще есть удачные шутки в запасе? – спросил Трастамара.

Ван Эрлику показалось, что у него обесточили сердце.

– Включи! – заорал он, – что ты делаешь! Сукин сын! Подонок! Ты...

Полковник улыбнулся и развел руками. Первую минуту ван Эрлик кричал и ругался. Вторую хрипел. На третьей минуте заплакал.

На четвертой минуте, когда оранжевые кривые превратились в красные, сенсор щелкнул снова.

– Или ты разговариваешь, или они умирают, – сказал Станис Трастамара.

Ван Эрлик молча кивнул. Горло его пересохло. Молоденький курсант подошел к нему сзади и поднес к его губам стакан с прозрачной жидкостью, которая с равным успехом могла быть водой, антифризом или сывороткой правды. Ван Эрлик пил, пока вода не потекла за ворот.

– Скажи «да».

– Да.

– Скажи – «да, сэр».

Ван Эрлик молчал. Полковник чуть усмехнулся. Его волосы казались отлитыми из вольфрама.

– Два года назад ты ограбил торговый конвой в секторе Роза. Груз принадлежал государственной компании. Возглавлял ее свояк министра торговли. Какова была реальная стоимость добычи?

– Четыре на десять в седьмой эргталеров, – сказал ван Эрлик.

– Свояк министра торговли заявил сумму убытков у четыре на десять в восьмой. Ты подтверждаешь, что он лгал?

– Это его дело. Я выручил за груз двадцать миллионов. Краденое вдвое дешевле.

– Полтора года назад ты ограбил поместье некоего Аркова, главы корпорации «Райлех». Больше всего в этом грабеже господина Аркову взволновала пропажа его коллекции бумажных книг дозвездной эпохи. Аркова знал, что император увлекается собиранием этих редкостей, и намеревался сделать ему подарок. Но книги пропали, а спустя два месяца губернатор Исхейи, старый враг Арковы, подарил императору коллекцию редких книг и получил для племянника выгодный заказ на отделку императорской яхты. Кто заказал тебе этот грабеж, Эйрик?

– Никто.

Полковник саркастически покосился на показания датчиков.

– Восемь лет назад, при ограблении пассажирского лайнера «Спартак», ты лично всадил пулю в голову губернатору Тирры. После этого губернатором планеты стал его племянник. За три недели до гибели губернатора племянник перевел на счет неустановленного владельца три миллиона эргталеров. После убийства – еще три. Во время захвата «Спартака» ты оставил в живых капитана, который чуть не разнес голову твоим людям, и убил губернатора Тирры, который не сопротивлялся. Кто заказал тебе губернатора, Эйрик?

– Губернатор Тирры был полковник наземных сил, оккупировавших Харит.

– Таких губернаторов была куча, а ты убил именно этого, Эйрик. Для грабителя ты неплохо встроен в систему элитных связей империи.

– Это вопрос описания, полковник. Можно сказать и так: элита империи неплохо встроена в систему грабежа.

Полковник Трастамара молчал несколько секунд, присматриваясь к показаниям приборов.

– Хорошо. Так почему же ты заинтересовался «Эдемом»?

– Это третий по мощности корабль флота. Так говорили.

– Однако когда ты понял, что это лоханка, ты все равно его угнал?

– Было поздно менять решение.

– Кто дал тебе коды, удостоверения и допуски?

– Мой старпом Шеб Торок, убитый при штурме.

Свет был так ярок, что на глаза ван Эрлика навертывались слезы. Фиолетовые глаза Трас-тамары даже не щурились. То, что для ван Эрлика было ослепительным светом, для митрийца, уроженца планеты с голубым солнцем, было доверительной полутьмой.

– Если ты знал все о системе охраны, почему ты не знал о состоянии корабля?

– В голову не пришло спрашивать.

– Ты знаком с психологией барров?

– Нет.

– Откуда ты знал, что барр, возглавляющий филиал, будет испытывать конфликт между уровнями долга? Что он будет раздавлен синдромом предателя?

– Я не знал, что филиал возглавляет барр.

– Почему за три дня до твоего визита с корабля по требованию верфи была снята охрана Службы Опеки?

– Откуда я знаю?

Курсант за спиной Трасамары с улыбкой указал своему шефу на какую-то из кривых на столе. Трасамара даже не взглянул на стажера.

– Смотри какая интересная вещь, – сказал полковник, – «Объединенные верфи» получили два на десять в девятой эргталеров. Потом еще полтора. Потом еще два. «Эдем» – самый дорогой корабль, построенный за пределами Императорских Эллингов. Рано или поздно корабль бы пришлось предъявить. Скандал был бы тот еще. А теперь никакого скандала нет. Где пять миллиардов? На «Эдеме». Где «Эдем»? Угнали враги.

Ярко-голубой свет, казалось, выжигал исподнюю сторону век. Вряд ли опытный палач Трастамара сделал ошибку и принял свою собственную световую норму за располагающий допрашиваемого полусумрак.

– Ты пытаешься врать, чтобы не подводить деловых партнеров. А ты знаешь, что «Объединенные верфи» давно не принадлежат Нину Ашари? Их реальный владелец – принц Севир. Ты видал пневмокрепежник? Такую штуковину, которая выплевывает жидкие гвозди? Говорят, принц лично пробил этой штукой колени Ашари.

Смутное некрасивое лицо ван Эрлика осталось совершенно неподвижным. Уголок заломленной брови чуть дернулся.

– Кто поручил тебе угнать корабль? Кто снабдил тебя кодами? Сколько ты получил за угон? От кого?

Рука Станиса Трастамары легла на крышку саркофага.

Эйрик наклонился вперед, так стремительно, что полутонное кресло чуть не сдвинулось с места, а линии на столе заматались стайкой разноцветных колибри.

– Сделай милость, – сказал ван Эрлик, – поверни. Я – мертвец. Мои люди все мертвецы. Нас приговорили к смерти двадцать раз. Лучше умереть во сне, чем на стенде. Ты дурак, полковник. Тебе нечем меня пугать. Я купился один раз, – я не куплюсь второй.

– А что ты сделаешь, чтобы они были живы?

Сердце ван Эрлика прыгнуло. Уже открывая рот, он понял, что его слова будут ошибкой. И что это та самая ошибка, к которой Трастамара шел с начала беседы. Все остальное – и саркофаги, и датчики, и нестерпимый, на грани пытки свет, – были лишь антуражем. Декорацией. Пышным фоном, с помощью которого фокусник отвлекает внимание от того, что действительно происходит на сцене. И все же ван Эрлик договорил фразу до конца.

– А что ты можешь мне предложить?

Аристократ и полковник Службы Опеки наклонился к заключенному. Белые погоны плеснули серебром и светом.

– Голову принца Севира, – сказал Трастамара.

* * *

В медотсеке наступила тишина. Ван Эрлик покосился в угол, где, как выключившийся робот, сидел молоденький стажер. Полковник Трастамара посмотрел на ван Эрлика, потом на экран. Потом щелкнул кнопкой и снова прогнал записи датчиков.

Воткнул в разъем чип и сменил режим. Стол разломился пополам; край его, опускаясь все ниже, почти коснулся колен заключенного. Теперь по столу текли двухмерные данные: финансовые проводки, тактико-технические спецификации и контракты на поставку оружия и оборонительных систем, которые должна была нести боевая платформа «Эдема».

– Я это уже видел, – сказал ван Эрлик.

– Знаешь, что самое удивительное? Это не липа. Пять на десять в девятой эргталеров не пропали. Казна перечислила их принцу Севиру. Принц Севир перечислил их производителям новейших и лучших систем вооружения. Тебе сказали, что ты должен угнать металлолом, чтобы скрыть пять миллиардов потравы? Ты угнал металлолом – и покрыл пять миллиардов смерти, которая ушла через принца Севира неизвестно куда.

Ван Эрлик молча смотрел перед собой. Тактические ракеты «Каскад» с гипербоеголовками «Борей-М». Сорок две пусковые шахты из двухсот восьмидесяти. Боекомплект – восемь тысяч четыреста ракет. Изготовлено «Объединенными верфями», монополистом в этом виде оружия. Естественно – монополистом. Локальный гиперпереход открыл Нин Ашари.

– Это подделка, – сказал ван Эрлик.

– Что ты думаешь о принце Севире, Эйрик?

– Он наследник императора, – сказал Эйрик.

Это был очень лаконичный ответ. Эйрик не сомневался, что датчики его дополняют.

– Он был главнокомандующим в войне с харитами. Это он заявил, что освободит людей от власти харитов. А потом приказал поджарить планету с орбиты. Он убил всех твоих друзей, Эйрик, и людей, и чужих, и он сделал это потому, что маленькая бескровная война должна была привести его на престол. Так как война оказалась не такой уж маленькой и совсем не бескровной, он до сих пор вместо престола сидит на Рамануссене.

Трастамара помолчал.

– Это проблема продолжительности жизни. Когда-то люди жили недолго. Человек рожал сына в двадцать и умирал в пятьдесят, и сын был почтительным сыном и верным учеником. Императору Теофану семьдесят четыре, и он бодр и здоров. Принц Севир не хочет ждать еще пятьдесят лет.

– Отдай императору меня и это разбитое корыто, и принцу Севиру придется ждать до следующего Большого Взрыва.

Полковник помолчал. Его фиолетовые глаза были холодными, как жидкий азот. Крепкие руки с длинными аристократическими пальцами, – пальцами прямого потомка Живоглота, – лежали на столе совершенно неподвижно. Из-под смуглого запястья, униженного кружками коммов, разбегались инверсионные следы вен.

– Ты знаешь, – сказал Станис Трастамара, – что шесть лет назад принц Севир стрелял в Генерального прокурора? Генеральный прокурор расследовал исчезновение племянника императора, и так как принцу Севиру не понравились предположения прокурора, он зашел к прокурору во время коллегии, и стал стрелять ему по ногам. Прокурор прыгал, принц стрелял, а зрители побежали прочь, и по итогам этой стрельбы император уволил прокурора. Что с того, что я покажу эти бумаги? Пять на десять в девятой эргталеров? По нынешним временам – пустяк. Я Трастамара, а он – сын императора. Меня бы сдали на биочипы. Но если ты выяснишь, что происходит на Рамануссене, и привезешь доказательства, то на биочипы сдадут принца Севира. С властью не шутят. Император простит сыну все. Позорную войну, украденные миллиарды, пропавшего племянника, Нина Ашари, которому в тюрьме вогнали гвозди в колени, чтобы он отдал свой холдинг, и танцовщиц, которым эти гвозди вгоняют в колени просто так, от скуки. Но вот покушения на трон он не простит.

Эйрик ван Эрлик молчал. Станис Трастамара откинулся в кресле, – а потом вдруг одним щелчком отключил систему контроля. Захваты расхлопнулись. Эйрик молча стал растирать затекшие запястья. Полковник пробежал пальцами по сенсорной панели, половинки стола встали вертикально, прилепились друг к другу и втянулись в бронированный пол. Теперь опекуна и пирата ничего не разделяло. Ван Эрлик мог вытянуть руку и дотронуться до алого трилистника над сердцем. Фиолетовые глаза глядели прямо в душу.

– Ты знаешь, – спросил Трастамара, – как я стал начальником Оперативного Штаба? Это знают только трое. Теперь ты будешь четвертым. Это произошло шесть лет назад. На Митре. Я сидел в ресторане с друзьями, когда на комм поступил срочный вызов. Звонил глава Службы, светлейший Ассен Ширт. Он потребовал, чтобы я немедленно приехал во дворец принца Севира. Я приехал и увидел, что принц, совершенно пьяный, сидит и смеется. Перед принцем на ковре лежал труп. Труп мальчишки четырнадцати лет, а в соседней комнате лежали еще два трупа: брат мальчишки и их отец, принц Баст. Да-да. Племянник. Тот самый. Ассен

Ширт был белый, как молоко. «Что скажешь?» – спросил меня Севир. Он все время смеялся. «Нет трупа – нет и преступления», – сказал я. «Ну и займись», – сказал Севир. Трупы никогда не нашли. Я стал начальником Штаба и получил вот эту медаль. Я ее с тех пор всегда ношу. Как напоминание, за что получают медали. Когда ты вернешься с Рамануссена, ты получишь своих людей живыми и невредимыми.

Эйрик ван Эрлик помолчал. Потом коротко стриженная черноволосая голова упрямо качнулась.

– Я не буду сотрудничать со Службой Опек.

– Ты хочешь, чтобы человек, который убил твою родину, правил миром, а твои люди кормили бы собой биочипы?

– Я не буду сотрудничать.

– Ты ничего не теряешь. Ты уже все потерял.

Голубой свет бил через глаза в мозг. Эйрик прикинул свои шансы. Присоски, игла в запястье – это все мелочь. Рывок на себя, двумя пальцами в горло... Он попытался приподняться, но обнаружил, что у тела его появился новый управляющий центр. Похоже, он находился где-то за переплетениями уходящих от кресла проводов.

Ван Эрлик наклонился вперед. Глаза его оказались в полуметре от фиолетовых гляделок полковника. Пот заливал лоб под биопластом, немилосердно жег шрам.

– Ты пересолил, Трастамара, – сказал ван Эрлик, – ты почти купил меня. Но ты пересолил. Я знаю вашу породу. Вы убийцы и трусы. Ты не умеешь переживать за тех, кого ты убил. Ты только умеешь говорить то, что нравится твоему собеседнику. Я не думаю, что ты спрятал трупы и переживал по этому поводу. Ты знал, что начальство тебя наградит, если ты спрячешь трупы. И ты знал, что мне понравится, если ты будешь играть роль раскаявшегося палача. Ты пересолил два раза. Сначала – когда вон тот щенок заступился за меня в карцере. А второй раз сейчас. Обещав жизнь друзей. Вы всегда обещаете – в обмен на душу. А когда человек продает вам душу, он обнаруживает, что в контракте было примечание. Мелким шрифтом. Ваша империя умеет лишь убивать и лгать. Вашему императору плевать на пять миллиардов налогов и на убитых племянников. И если ты получишь от меня компромат на Севира, ты пойдешь и продашь его самому Севиру. И ты будешь смеяться, когда по твоему приказу мне всадят луч в голову, а потом в оплату ты попросишь от Севира Службу Опек и еще один орден. И будешь рассказывать очередному дураку, как он жжет тебе сердце.

Наследственный генерал империи, полковник Станис Александр Рашид Трастамара молчал несколько мгновений. Потом повернулся к молоденькому курсанту и приказал:

– Забери его и убей.

* * *

Все остальное произошло очень быстро. Два охранника отвели ван Эрлика в соседнюю палату. Жестом ему велели лечь на операционную койку, а когда ван Эрлик не шелохнулся, его скрутили и привязали к койке за несколько секунд. Почему-то с того момента, когда Трастамара произнес свой приказ, всякая воля к сопротивлению покинула ван Эрлика. Он молча смотрел в потолок и только желал, чтобы все поскорее закончилось.

Откуда-то появился медтех со шприцем, наполненным мутноватой жидкостью. Трастамара вошел в палату и остановился справа от койки.

Все так же молча медтех проверил шприц и всадил его чуть выше локтя. Ван Эрлик ожидал мгновенной смерти, но по телу только разлилось неприятное покалывание. Медтех вытащил шприц и даже обтер место укола спиртом.

– Эта штука называется «штамм Венора», – неприятным голосом сказал Станис Трастамара, – это набор различных микроорганизмов и бактерий, в основном чинерейских, если я не ошибаюсь. Ты слыхал о «Веноре»?

Ван Эрлик слегка моргнул глазами, в знак утверждения.

– Он пожирает тело изнутри, сначала, кажется, микроорганизмы уничтожают гемоглобин в крови, а потом выскребают клетки. Говорят, это очень мучительно. Действие штамма можно нейтрализовать. Если, конечно, процесс не зашел необратимо далеко. Если ты передумаешь в течение ближайших пяти часов, пожалуйста, нажми кнопку вызова. Шприц с нейтрализующим раствором будет у меня в кармане.

Полковник Трастамара повернулся и пошел к двери. Ван Эрлик молча смотрел, как он идет – прямой, очень высокий, с коротко постриженными алюминиевыми волосами, темнеющими у самых кончиков. У дверей начальник оперативного штаба СО оглянулся.

– Это глупость, – сказал он, – умирать, если можно драться. Я думаю, что многие, кто предпочел смерть компромиссу, передумали после смерти, только было уже поздно. Я дарю тебе шанс передумать после смерти, Эйрик.

* * *

Первый час был совершенно несложный. Ван Эрлик лежал на жесткой койке и, уставившись в потолок, вспоминал детство.

Многие, кого он знал в детстве, были мертвы, а другие не хотели общаться с ним. Те, кто были живы, тоже называли его убийцей, как и Служба Опек. Правда, они никогда не называли его грабителем, потому что до сих пор не могли понять, что такое грабеж. Поэтому ван Эрлик не вспоминал друзей, а просто вспоминал зеленые поля и синее небо.

Потом пришла боль. Она завелась, как червячок, и стала заползать в каждую мышцу и каждую клетку.

Тело покрылось испариной. В горле пересохло. Кожа стала как шелуха печеной картошки; биопласт на лбу, казалось, налился свинцом, при каждом выдохе в воздухе повисало облачко пара. Ему казалось, что кто-то вспарывает его тело изнутри: острым молекулярным ножом каждую клетку. Боль превратилась в пытку, а пытка – в ад.

В палате никого не было. Эйрик попытался что-то сказать, но его язык зацепился за губы. Под прикрепленными к коже датчиками жгло и буравило. Кривые отплясывали на экранах пьяный танец.

Руки ван Эрлика сами потянулись к красной кнопке, но пальцы его не слушались.

Эйрик потерял сознание.

* * *

Ван Эрлик очнулся на той же самой койке. Полковник Станис Трастамара сидел на краю и смотрел на ван Эрлика большими печальными глазами. Руки ван Эрлика были свободны, он попытался пошевелить пальцами, и обнаружил, что тела у него нет. Вместо тела был кожаный мешок с растворенными обрывками нервов.

– У тебя очень сильный организм, Эйрик, – сказал Трастамара, – ты продержался семь часов. Так ты согласен?

Эйрик моргнул в знак согласия.

– Хорошо. Я жду тебя на Митре через три стандартных месяца. Ты угнал «Эдем» – попробуй-ка угнать то, что строят на Рамануссене. У нас с тобой появится валюта для торговли. У тебя будет корабль, у меня – твои люди.

– А если я опоздаю на пять дней?

Голос ван Эрлика был тихий и хриплый. Звуки прятались за губами, как нашкодившие первоклашки в подвале, их приходилось выталкивать силой.

– Тогда, Эйрик, тебе ничто не поможет. Штамм Венора ведь не убит. Просто микроорганизмы, запускающие процесс, парализованы токсином. На время. Срок действия токсина истекает через три стандартных месяца и два дня. Я не советую тебе пытаться заменить кровь. Штамм Венора уже везде. Бактерии угнездились в печени, мышечной ткани и костном мозге. Разумеется, можно создать противоядие, но на это нужно несколько лет. А у тебя в запасе три месяца.

Станис Трастамара осторожно вынул из-за пазухи коробочку и раскрыл ее. В коробочке лежали три пузырька: два были пустыми, третий – с розоватой жидкостью.

– С тобой отправится стажер Чеслав, – сказал Трастамара. – Фамилию мы ему выправим липовую, но имя оставим. Оно все равно очень распространено. Чеслав храбрый мальчик и предан империи. Как только ты вернешься, мы, разумеется, введем тебе противоядие. Смотри не опаздывай.

Полковник аккуратно закрыл коробочку и вышел.

За дверью его ожидали двое: молодой стажер по имени Чеслав и замеситель Трастамары, майор Родай Син.

Шестнадцатилетний курсант стоял так прямо, словно проглотил палку. Плечи паренька были воинственно развернуты, натренированные сильные ладони то сжимались, то разжимались в кулак.

– Сэр, – сказал вдруг курсант, – нет соображений, которые могли бы оправдать освобождение ван Эрлика. Он должен быть казнен, и казнь его должна быть заставкой новостей. Нам в училище... показывали хронику. Как люди сыпались из «Эдема» в спасательных ботах, а этот... пес... стал расстреливать боты.

– Ван Эрлик не стрелял по ботам, – отозвался полковник Станис Трастамара. – Они просто были неисправны. Никто не думал, что флагман массой покоя в девятьсот тысяч тонн может быть атакован, капсулы не проверяли. В половине не работали регенераторы. Или батареи. Люди задохнулись и замерзли. Ну, а чтобы объяснить потери, служба безопасности принца Севира заявила, что противник расстреливал спасательные боты.

Наследственный генерал империи, полковник Станис Трастамара молча оглядел в зеркале ослепительно белые полосы погон, на которых, благодаря биохимии локров, никогда не бывало пятен, поправил алый трилистник медали, повернулся и вышел.

Глава вторая

Губернаторское гостеприимство

*Боевой корабль – это машина по производству трупов.
Если вы правильно организовали производство, трупы не ваши.*
Император Чеслав

Стажер Чеслав плохо спал без своего любимого сна.

Месяц назад, после второго курса, Чеслав оказался на Большом Императорском приеме. На прием приглашали только тех, кто набрал свыше ста баллов, и Чеслав оказался на приеме, потому что окончил курс экстерном, и набрал сто двадцать очков.

Кадет Чеслав не спал всю ночь перед приемом, он выгладил форму и щеточкой чистил сапоги. Утром он отправился на пробежку, как обычно.

В императорском дворце было семь крыльев, по числу Секторов, и семьдесят парадных залов, по числу покоренных миров, и каждый из семидесяти залов был отделан минералами и растениями данного мира; ослепительно белый порфир Альтайи сменялся голубоватыми малахитами Ттакки-5, в зале Ксианы силовые поля прижимали к стене флуоресцирующую воду, заполненную мириадами крошечных шестигранных существ, образовывавшие в своем беспрестанном движении узоры с такими высокими степенями симметрии, что почти полтора века ксианитов считали разумными существами.

Теперь Ксиана была осушена. Ксианиты остались лишь в аквариумах да в зале Ксианы.

Когда кадет Чеслав попал в Зал Всех Миров, он увидел, что пол зала выполнен в виде карты Галактики в проекции Федорова, а потолок столь высок, что под ним парит мелкое облачко. Чеславу показалось, что его душа парит вместе с облаком.

Карту Галактики попирали сапогами шестьсот человек и император. Император был чуть ниже, чем ожидал кадет Чеслав, и с лучистыми карими глазами, проникавшими в сердце. В руках у него был бокал из чианского янтаря, и он пил со всеми кадетами. И с кадетом Чеславом.

На следующий день после приема кадет Чеслав пошел к официальному нейродилеру и заказал ему сон о Большом Приеме. Он заказал все, как было, только попросил сделать Императора Теофана чуть повыше ростом.

С тех пор кадет Высшей Школы Опеки, а ныне – стажер при Оперативном Штабе Чеслав смотрел этот сон каждую ночь. Но когда его послали с ван Эрликом, он не взял чип с собой. Было бы очень странно, если бы они попали в какой-нибудь притон, в который наверняка обратится пират, и содержатель притона нашел бы в личных вещах спутника ван Эрлика сон о Большом Приеме в честь курсантов Службы Опеки.

Поэтому Чеслав вместо сна о Большом Приеме видел что-то ужасное, такое ужасное, что упал спросонья с кровати. Глупая койка мгновенно убралась в стену, а механический голос громко сказал:

– Шесть стандарт-часов двенадцать минут, сэр.

Чеслав открыл глаза: каюта была чуть поуже гроба. Сквозь кристаллопласт виднелась рубка, увитая гирляндами экранов.

Десантный катер класса «Подсолнух», одна из немногих машин, способных и к гиперпрыжку, и к посадке на планете, снаружи выглядел вполне внушительно; крошечная машинка несла на себе противолучевую броню, а ее собственные лазеры вполне могли вспороть брюхо зазевавшемуся сухогрузу.

Линейного ускорителя на корабле, разумеется, не было: вместо него был циклограв, в просторечии именуемый «улиткой», – и так как малая мощность ускорителя накладывала жесткие ограничения на массу, конструкторы «Подсолнуха» сэкономили на жилплощади.

Чеслав всегда подозревал, что в своем стремлении увеличить дальность прыжка они творчески переработали идею карцера, в котором Чеславу пришлось посидеть, как и всякому уважающему себя кадету. С той только разницей, что пространство, причитавшееся одному заключенному, они разделили на три части: жилой отсек, рубка, и шлюз.

Челнок класса «Подсолнух» был излюбленным кораблем во флоте ван Эрлика, и главной тактической единицей оперативного штаба СО. Сходные задачи влекли за собой сходные технологические предпочтения.

Все было в норме: приборы дремали или светились зеленым, пилотское кресло было пусто..

Пусто?

Чеслав рывком сел, тут же вплепившись головой о переборку. Сон как рукой сняло.

В катере стояла могильная тишина. Тяготение составляло около единицы, но вибрации, сопровождавшей работу компенсаторов крошечного «Подсолнуха», явно не было. Не было слышно и шелеста систем жизнеобеспечения, не выключавшихся в космосе ни на минуту.

Пока Чеслав спал, преступник выбрал планетку себе по вкусу и сбежал!

Чеслав выкатился из каюты, взлетел вверх по укрепленной поперек санитарного блока лестнице и кинулся в раскрытый внутренний створ шлюза.

Уже в шлюзе Чеславу пришло в голову, что он действовал, как распоследний дурак, что надо было для начала включить обзор и полюбопытствовать, где стоит корабль, – а вдруг посередине болота из азотной кислоты? – но лепестки уже разошлись, открывая Чеславу вид на окрестную местность.

В сером освинцованном небе плыли тучи, похожие на взорванные штормовые челноки, и из них сеялся крупный снег. Снег таял, едва коснувшись земли, ничуть не скрывая ее наготы – и оттого Чеслав с дрожью понял, что челнок стоит в самой середине плазменного пятна. Десять лет назад почва здесь вскипела на глубину пять метров, все микроорганизмы и растения сварились в адском огне, плодородный чернозем превратился в спекшийся песок – но вот теперь, потихоньку, ветер наметал на обожженную землю плодородную пыль, и странная зелень, то ли не убоявшаяся мороза, то ли вот-вот готовая от него погибнуть – потихоньку брала свое.

Это совсем не походило ни на один из Семидесяти Залов, отображавших Семьдесят Миров. Ни один из залов не был отделан печеной в плазме землей.

На раскисшей, чуть отороченной белым пылью отчетливо отпечатались цепочка тяжелых рубчатых следов, которые оставляют десантные ботинки. Следы были свежие – по крайней мере, было ясно, в каком направлении пошел преступник. И было ясно, что он далеко не ушел.

Чеслав вздохнул и направился по следам.

Следы вели к небольшому двухэтажному дому, стоявшему на краю пятна, некогда бывшего полем. Дверь дома была раскрыта, во дворе стоял флайер, похожий на жука с оборванными крыльями. Судя по виду флайера, он стоял здесь немногим меньше вечности.

Чеслав прошел, хрустя ботинками, по выжженному двору, и поднялся в гостиную. Пыль была повсюду. Крыша в одном месте обрушилась, и прямо посреди солнечного пятна на замесленном пылью полу рос крупный синий цветок. Лепестки его были покрыты белыми пузырями, и внутри пузырей можно было, приглядевшись, увидеть черные точки личинок. Чеслав не знал, симбионты это или паразиты.

В доме пахло засадой и склепом. Чеслав осторожно толкнул дверь. За дверью была комната с истлевшей штукатуркой; вся мебель в ней была перевернута вверх дном, на рассыпанных по полу дисках лежала сантиметровая пыль: обыск закончился лет десять назад. У стены комнаты стоял диван со вспоротой обивкой, и на диване сидел ван Эрлик. Веерник, который он держал в руках, смотрел стажеру прямо в живот.

– А, это ты, – усмехнулся пират, – входи.

Веерник растворился в кобуре. Небольшая карманная модель марки «Берилл», с прицельной дальностью стрельбы до четырехсот метров и плотностью поражения, которой позовал бы полустационарной штурмовой «Шквал».

– Г-где мы? – спросил Чеслав. – Что это за место?

– Это Харит, – ответил Эйрик. – Мой дом, чувствуй себя как брат, опекун.

Глаза Чеслава настороженно блеснули.

– Э-э! А воздух? Здесь же ядовитый воздух...

Рука сама собой шарила где-то у пояса в поисках газовой капсулы.

– Здесь нормальный воздух, – спокойно отозвался Эйрик. – До того, как на планете появились люди, воздух здесь был непригоден для дыхания человека. Но лет через пять после Поселения хариты изменили для людей воздух. Можешь дышать сколько влезет.

Стажер беспокойно завертел головой.

– А-а... Где же они сами?

Пират молчал. Его глаза были того же цвета, что и земля после плазменного удара.

– Но их же не убили – не всех, то есть! Просто вас, людей – освободили от их ига, а их... император в своем бесконечном милосердии даже им позволил стать подданными империи... и... пользоваться всеми правами и возможностями... вплоть до пенсии и страховки...

Голос стажера звучал как-то неуверенно.

– Они живы? – шепотом спросил Чеслав.

– Они живы, – сказал Эйрик, – они не хотят со мной говорить.

– Почему?

Эйрик ван Эрлик не ответил.

– Иди.

– Но...

– Я не наследный принц, а ты не кормилица, чтобы меня опекать. Пойди погуляй. Подыши воздухом планеты, которую чужая раса сделала пригодной для жизни людей. Может быть, это будет полезно для сотрудника службы, которая занимается тем, что отравляет жизнь везде, где только сможет. Для представителей своего же собственного биологического вида.

Смуглое лицо преступника ничего не выражало. Голос звучал монотонно и сухо. Чеслав вдруг вспомнил, как три дня назад этот человек равнодушно согласился на смерть собственных людей – более того, бравировал этой смертью, бросал вызов самому главе Оперативного Штаба.

Неужели он до сих пор верит в то, что чудовищные чужаки вложили ему в голову? Это было всем известно – хариты контролировали разум людей! Они превращали их в зомби, готовых исполнять самые чудовищные приказы.

Семь Звезд!

Это произошло за год до его рождения, но он знал все, он видел чипы, видео, документы, – этому был посвящен целый курс! Какой шок испытала империя, когда услышала, что боевые корабли Харита, бросившие вызов Флоту Освобождения, – управлялись людьми же! Несчастные марионетки, безвольные куклы, они были готовы умереть, чтобы защитить поработивших их чудовищ от тех, кто пришел их освободить! Ни один харит не бросил вызов Флоту Освобождения, ни один харит не погиб в боях за планету, – чудовища были столь же трусливы, сколь и жестоки. За них умирали люди, – и убивали тех, кто пришел дать им свободу.

Генерал Чебира, три года боровшийся на Харите против последних террористов, показывал чипы, на которых раскодированные, освобожденные люди, плача, перечисляли свои вины против человечества и сами просили себе смерти. Генерал Чебира плакал вместе с ними.

– Иди, – повторил пират.

Стажер молча вышел из дома.

Уже вечерело: снег все так же сыпался на обожженную землю. Ветер гулял над полем, как в аэродинамической трубе, с каждой минутой воздух стремительно холодел, и раскисшая

недавно земля схватывалась ледяной корочкой. Зачем прилетел сюда ван Эрлик? Здесь больше нет людей! Здесь остались одни... Чеслав в панике сжал рукоять веерника, так, словно его в любую секунду могла заглотить материализовавшаяся прямо из воздуха пасть.

Он стоял минуту, другую – пасти не было, и мир вокруг был самый обыкновенный мир, только покалеченный войной. А потом он глянул под ноги и вздрогнул.

По раскисшей земле, параллельно следам ван Эрлика и его собственным, шли отпечатки маленьких босых ножек.

Чеслав побежал. «Подсолнух» стоял, крепко зарывшись в землю тремя растопыренными лапками. Под вздутым брюшком циклограва виднелась крошечная фигурка. Завидев человека, фигурка встрепенулась и бросилась наутек. Чеслав кинулся за ней. Бежать было трудно. Перемешанная с водой, безжизненная грязь превратилась в скользкий и коварный лед, Чеслав падал, поднимался и снова бежал. В неярких сумерках перед ним мелькала фигурка: ребенок семи-девяти лет, в курточке и шортах, черноволосый, с босыми ножками, порозовевшими от холода. Поле шло под уклон, обламывалось в овраг, за серым обрывом начиналось черное небо.

– Подожди! Парень! – отчаянно закричал Чеслав.

Ребенок оглянулся. Чеслав прыгнул. Затрещала прочная ткань курточки – ребенок, неведомо как выживший на пустой, давно убитой планете, забился в его руках.

– Тише, – сказал стажер, – тише, все будет хорошо.

Вдруг глаза мальчишки сделались угольно-злыми, и он довольно-таки ловко двинул стажера коленом в пах. Чеслав, растерявшись, выпустил мальчика.

Тот мгновенной птицей взлетел на обрыв, Чеслав – за ним. Мелькнула внизу тридцатиметровая пропасть.

– Нет! – закричал Чеслав.

Мальчишка прыгнул. Стажер застыл в ужасе на краю обрыва – но через мгновение понял, что мальчишка на разобьется. Он летел вниз как-то очень медленно, словно над ним распустился невидимый парашют, и когда паренек коснулся земли, перевернулся и вскочил на ноги, Чеслав внезапно выхватил веерник и начал палить в воздух.

Воздух тут же стал густеть и сворачиваться, как молоко. Очертания предметов переломились, словно между Чеславом и горизонтом встала гигантская линза. Чеслав выстрелил – и новый миллион килоджоулей неожиданно разлетелся снопом искр о непонятную преграду.

В следующий миг что-то невидимое, но мощное толкнуло его в спину, Чеслав поскользнулся и, не удержавшись, кувырком полетел вниз. В последнее мгновение перед приземлением Чеслав дотянулся до кнопки на поясе, – шумно ухнул антигравитационный патрон, падение на миг замедлилось, земля перевернулась и шлепнулась в лицо.

Он очнулся очень скоро – вечер еще не успел превратиться в ночь. Он лежал у подножия обрыва, живой и невредимый, а мальчишка сидел на корточках рядом и смотрел ему в глаза. Как и все мальчишки в этом возрасте, он состоял из одних царапин и спутанных черных волос. Голые ноги пошли пупырышками от холода. Он был вдвое моложе Чеслава, и потому Чеслав с полным на то правом мог считать себя по сравнению с ним опытным искушенным оперативником.

– Ты кто? – спросил мальчик.

– Меня зовут Чеслав. Я... э...э... пилот этого челнока. А ты кто?

– Я Денес.

– Что ты бродишь здесь полуголый? Где твои родители?

– Их забрали, – ответил мальчик, – когда забирали последних. Люди в белых погонах. Мои родители успели меня спрятать. Они плакали и обещали вернуться.

«Когда забирали последних»? Десять лет назад? Семь? Сколько лет назад генерал Чебира закончил свою тяжелую миссию?

– Сколько тебе лет? Стандартных?

– Восемь.

Чеслав сглотнул.

– Кто тебя научил говорить?

– Они.

– Кто – они?

– Ты человек? – спросил мальчик.

– Да.

Мальчик подумал, потом медленно сказал:

– Они не люди. Они сказали, что я должен улететь с тобой. Что они больше не могут меня защитить.

Чеслав снял с себя куртку и закутал мальчика. Тот не сопротивлялся, голые розовые ножки торчали из-под «чертовой кожи», как птичьи лапки. Ледяной ветер мгновенно пробрал до копчика. Пальцы едва нащупали бляшку комм.

– Эйрик, вам лучше прийти сюда. Тут есть кое-что, способное заинтересовать любителя харитов. Не сверните шею, спускаясь с обрыва.

* * *

Дом Денеса стоял на высоком холме.

Это был вполне жилой дом, с высокими окнами, затянутыми вместо стекол пленкой из каких-то местных растений, с запасом воды и пищи и с ветряком-электрогенератором. Комната мальчика была жарко натоплена, на столе мерцал белым светом похожий на мятый платок биокомпьютер, рядом свернулись брошенные наушники.

– Чей ты сын, Денес? – спросил Эйрик ван Эрлик, присаживаясь на корточки перед мальчишкой. Тот выглядел очень смешно: голые ножки, серая форменная куртка, доходившая ему до колен, и встрепанное гнездо коротких черных волос, из-под которых глядели настороженные глаза.

– Мне не говорили.

– Почему ты побежал от моего товарища?

– Потому что люди, которые прилетают сюда – плохие люди, – сказал мальчик. – Они роются в том, что осталось от мира, и когда они появляются, надо выключать свет и уходить из дома.

– Сюда кто-то прилетает? – с изумлением спросил Чеслав.

– Почему бы нет? – тускло отозвался ван Эрлик. – Если вы кого-то окрестили дьяволом, всегда найдется масса желающих продать дьяволу душу. Собирайся, Денес, да побыстрей. Со мной тут никто не хочет разговаривать, а ждать гостей нам не имеет смысла.

* * *

Так получилось, что им не повезло.

Эйрик уже лежал в кресле пилота, когда в тактическом кубе возник неопознанный белый треугольник. Руки ван Эрлика были опутаны внешними сенсорами, глаза закрывал летный шлем: по панели бегали дьявольские разноцветные огоньки, дублируя изображения, передававшиеся на внутреннюю поверхность шлема.

– Развертка! – заорал Эйрик, – двадцать вправо! Вверх! Увеличение!

На экранеплыли грязные облака.

– Бета-диапазон!

Облака погрузнели, налились желтым – и сквозь эту желтую пленку проступила черная плывущая точка. С такого расстояния точка перемещалась плавно и неспешно, но «коробок» определял ее скорость в три маха.

А потом на экране проступила еще одна точка, куда более медленная и жирная, стремительно превращавшаяся в черный закругленный кокон, словно танцующий на своем хвосте.

– Космоатмосферник и корабль на орбите, – сказал Эйрик, – двигатели на нулевой режим!

– Плотность потока на тридцать процентов ниже критической, – раздался бесстрастный голос машины, – борт к взлету не готов.

– Я хочу домой, – сказал мальчик, – пожалуйста, я хочу домой.

Эйрик повернул голову и что-то прошипел. Чеславу на мгновение показалось, что тот видит мальчишку сквозь зеркальную полусферу шлема, хотя быть такого, конечно, не могло: Эйрик ван Эрлик видел сейчас только то, что показывали приборы корабля, и всякая визуальная информация о происходящем в рубке отсутствовала напрочь.

– Плотность в норме, – сообщил корабль, – взлет разрешен.

Но было уже поздно. В разреженном воздухе Харита вспыхнули, перекрещиваясь, антигравитационные пучки, сложились в подобие переливающейся в воздухе линзы – и в этой линзе черным пауком зависло черное брюхо космо-атмосферника класса «Альдебаран».

Средняя секция корабля поехала в сторону, открывая круглые зрачки лазерных батарей. Запищал и налился светом блок ближней связи. Эйрик снял шлем и ткнул пальцем в комм. Вместо собеседника по экрану бегали статические разряды.

– Убей тягу, – приказал экран.

Плавающий акцент уроженца сектора Розы был слишком незаметен, чтобы быть компьютерной подделкой. Хозяева неизвестного корабля глушили изображение, но звук шел напрямую.

– Убей тягу, пилот, или мы размажем тебя по планете.

– Что вам нужно?

– Мальчишку.

– Зачем?

– Нас интересуют хариты, пилот.

– Но похоже, вы не интересуете их. Я не слышал, чтобы хариты общались с людьми.

– Они общались с ребенком. Мы хотим поболтать с ним о его воспитателях.

– Кто вы такие?

– Сторожевик класса «Альдебаран», который размажет тебя, пилот, если ты будешь задавать глупые вопросы.

– Если вам так нужен мальчик, почему бы вам не заплатить за него? – спросил ван Эрлик.

Рука Чеслава сжалась на рукояти веерника. Этот пират *воевал против людей*. «Если он будет торговать людьми, я его пристрелю», – подумал Чеслав.

Экран невнятно зашелестел. Невидимый собеседник отвернулся от комм и что-то спросил; в ответ послышались щелчки и посвист.

– Не выйдет. Отдавай мальчишку и возвращайся на базу.

Их явно приняли за патрульный катер.

– Во-первых, – сказал ван Эрлик, – мне не кажется, что нас отпустят на базу. Как только мы отдадим мальчишку, мы вам станем не нужны. Куда проще сбить нас на взлете и списать все на харитов. А во-вторых, вы удивительно ненаблюдательны. Вам даже не пришло в голову задуматься, почему мальчик, который умел скрыться от ваших зондов, оказался в нашем корабле добровольно. Вам не кажется, что мы знаем о харитах больше мальчишки?

И, не дожидаясь ответа, ван Эрлик врубил левую пару планетарных двигателей. Никто и никогда не стартует с планеты на одной паре двигателей – корабль неминуемо завалится и спу-

стя несколько секунд после старта врежется обратно в землю. Катер – не космоатмосферник. Соотношение его массы к мощности двигателей несколько меньше, но все равно стартовать на левых двигателях с него никто, сколько было известно Чеславу, еще не пытался. Как никто не пытался перепрыгнуть пропасть на одной ноге.

Катер рыскнул. Земля встала дыбом, Чеслав на миг увидел струи пара и огненные клочья грязи, вылетающие из сопел.

Противник замешкался. Капитан космоатмосферника тоже никогда не видел косого старта, – и, смущенный последними словами собеседника, он никак не мог решить, что делать – стрелять? Самому уйти вверх, дабы спасти катер с драгоценным мальчишкой и, возможно – не менее драгоценными пилотами?

Поверхность планеты встала вертикальной стеной. Катер, заваливаясь, словно летел по узкому коридору между почвой и облаками.

В следующую секунду, за мгновение до того, как столкновение с землей стало необратимым, ван Эрлик врубил правые движки. Мир закрутился волчком. Катер рванулся вверх, вверх, прочь от выжженной войной планеты – минуя сверкающую паутину, в центре которой висел сторожевик. Где-то в полукилометре над почвой катер сильно тряхнуло, словно он ударился о невидимую стену. Но напряженность силового поля падает обратно пропорционально кубу расстояния. На такой дистанции поле было не плотней листа бумаги, – катер рыскнул, отчаянно взвыл, и – пошел вверх, набирая высоту.

Экран потух.

Паутина исчезла. Ионизированный столб воздуха под чужим кораблем засветился зеленым призрачным светом.

Катер лег на бок и помчался параллельно земле.

– Наверх! – заорал Чеслав.

– У них на орбите эсминец, – отозвался ван Эрлик.

Катер, ныряя в воздушных ямах, неся над верхушками призрачных деревьев с тугими клубками сучьев. Силовая волна, выброшенная космоатмосферником, прокатилась над ними на высоте в двести метров, и по ту сторону накрывшей их гигантской чаши засверкала шатровая радуга.

Активные сенсоры противника захватили цель, штурман-блок пронзительно запищал.

– Они нас достали, – сказал Чеслав.

Комм ожил, вспыхнул снова. Сигнал шел с орбиты, от пылающего красной точкой эсминца. На этот раз на экране появилось изображение. Чеславу на мгновение бросился в глаза огромный белый силуэт в кресле второго пилота.

– Сядь, сука, – заорал капитан чужого эсминца, – сядь, или мы тебя размажем!

Катер, заложив крутой вираж, мчался вдоль внутренней дуги силового колокола. Он походил на бабочку, накрытую гигантской прозрачной крышкой от супницы.

Супница начала медленно опускаться.

Космоатмосферник в ее центре расплылся, теряя очертания, превратился в гигантскую кляксу, стекавшую к земле по шатровой радуге поля – силовая блокировка дает поразительные зрительные эффекты. Было такое впечатление, что их накрывает вывернувшимся наружу желудком корабля.

Эйрик сорвал шлем.

– Ден! Расса! – закричал он отчаянно, – если вы слышите меня, помогите мне!

В следующую секунду воздух словно сгустился в огромный черный топор, – и в лезвие этого топора и влетел корабль противника. Небо взорвалось. Солнце мигнуло, как неисправный индикатор. Шатровая радуга исчезла. С неба сыпались пластик, сталь и мясо.

– Во имя императора, – проговорил потрясенный Чеслав, – что это было – оружие харитов?

– У харитов нет оружия, – прозвучал насмешливый ответ, – держитесь крепче, детеныши. Мы уходим в гипер у внешнего слоя атмосферы, если не хотим познакомиться с тем, кто болтается на орбите.

* * *

Наследственный генерал империи, глава Оперативного Штаба Службы Опеки полковник Станис Александр Рашид Трастамара сидел в кресле перед монитором транссвязи и глядел на разноцветные сполохи на экране.

Десять стандартных минут назад ординарец почтительно доложил ему, что с ним хочет говорить светлейший Ассен Ширт, начальник Службы Опеки, хочет с ним говорить. Канал связи был установлен, – информационный луч прорезал гиперпространство, стянув в одну точку добрых две сотни световых лет, треть ресурсов «Астарты» работала на поддержку канала, передающая установка на Митре пожирала столько энергии, сколько небольшой молибденовый завод, – а его сиятельство Ассен Ширт не торопился нажать на кнопку приема. Может, брился. Или рассматривал свое отражение в зеркале. Или занимался любовью с секретарем.

Транссвязь была абсолютной монополией государства. Частных компаний в эту сферу не допускалось. Сообщения обычных граждан передавались только как записи после просмотра их Службой Опеки.

Одна минута транссвязи потребляла столько же энергии, сколько переброска шестидесяти тысяч тонн массы покоя на аналогичное расстояние. Масса покоя «Астарты» составляла пятьдесят четыре тысячи тонн, а время прыжка до Митры – семьдесят три часа; стало быть, потраченной за эти десять минут энергии фрегату хватило бы на тридцать дней в гипере. Это впечатляло.

Особенно это впечатляло для цивилизации, чья денежная единица была привязана к энергии. Энергии, которой вот уже третий месяц не видели имперские истребители над крупнейшей в этом секторе базе на Баррой.

Наконец цветные полосы распались, – и на Трастамару сквозь бездну глянуло красивое молодое лицо, – улыбающиеся синие глаза, ямочки на щеках.

– Привет, Станис, – заявил светлейший Ассен, – извини, что заставил ждать. Мы вчера, знаешь ли, сидели всю ночь. Я, генерал Ичира, и – тут Ассен поднял вверх указательный палец с длинным, раскрашенным в императорские цвета ногтем, – генерал Торо, внук императора. Ичира сейчас очень силен при дворе. Думаю, что он может стать главой казначейства. Ты слышал последнюю сплетню? Губернатор Ириссы три месяца репетировал местные танцы, – ну, ты знаешь, император это любит, особенно если танцуют девочки, невинные и с далеких миров. И вот девочки выступают перед императором, все хорошо, и ночь прошла прекрасно, а утром император выходит в парадный зал, и там стоит генерал Шашба, – а у него же земли на Ириссе, ты знаешь, и бездельник опять пришел просить для них какой-то субсидии. «Вот повелитель Ириссы», – говорит императору первый министр, – и когда Шашба вернулся домой, он обнаружил, что его назначили губернатором над всем сектором Креста!

Светлейший Ассен расхохотался.

Станис Трастамара внимательно ждал продолжения.

– Да. Кстати. Ты в дерьме. Ты в таком дерьме, из которого тебя не вытащит даже твой прапрадедушка, Станис.

«Меняй министров каждые пять лет, расстреливай – каждые шесть», – говаривал Основатель Империи. Светлейший Ассен руководил Службой Опеки уже пятнадцатый год.

– Тино Чебира уничтожил Эйрика ван Эрлика! Его размазали, как масло по бутерброду! Тино притворился купцом, и ждал, пока Кровавый Пес подойдет поближе, – а потом он просто

вышиб его из космоса! Он размазал его на молекулы, и ты, ты ловил ван Эрлика три года, а Тино уничтожил его с первого раза!

– Когда это произошло? – спокойно спросил Трастамара.

– Три дня назад! В секторе Розы!

Станис Трастамара молчал. Его подтянутое гладкое лицо с чуть раскосыми глазами цвета индиго не изменилось ни на секунду. Луч гиперсвязи невозможно было перехватить, но содержание его бесед со своим начальником становилось известным с удручающей регулярностью. Полковник Трастамара подозревал, что дело не в жучках. Просто светлейший Ассен Ширт, глава Службы Опек и троюродный брат первого министра Хабилунки, с детства считал, что рот нужен для двух вещей, – чтобы жрать и чтобы хвастаться.

– Да, – сказал полковник, – это огромный успех. По счастью, это общий успех Службы. Передайте моему другу Тино, что я поздравляю его, ибо мы все вместе служим одному делу – Империи Людей, и какие-то распри между нами неуместны.

* * *

Они вышли из гипера в пятидесяти миллионах километров от Лены и вот уже двенадцать часов шли вглубь системы, излучая транспондерный код курьера Службы Новостей; автоматические станции передавали их друг другу; таможня отказалась от осмотра после каких-то малопонятных Чеславу переговоров, и крошечная горошина планеты уже выросла до огромного, позолоченного солнцем диска, похожего на круглую яшму с белыми прожилками облаков.

Чеслав, в пилотском кресле, от волнения грыз ногти. Они должны были войти в атмосферу через двадцать минут, по меньшей мере пять орбитальных фортов вели катер, но ван Эрлик до сих пор не пытался сбить их с толку; не связался с сообщниками или с мафией. Все шло так, как будто они и в самом деле собирались сесть по предписанной траектории на официальном космодроме, – но как это мог сделать человек, за голову которого любой служащий космодрома получил бы два на десять в десятой эргталера?

Ван Эрлик, в кресле второго пилота, с легкой усмешкой наблюдал за стажером, идущим точно по курсовому лучу.

– Вход в атмосферу через пять минут, – сказал Чеслав, – приготовить «трутня», сэр?

– Нет.

– Мы будем садиться на космодром в Карре?

Пират, не отвечая, лениво протянул руку. Комм-пульт ожил. С него смотрел пожилой грузный человек в белом, расшитом цветочками пончо.

– Привет, старый лис, – сказал Эйрик, – я слышал, что в твоей столице вот-вот зацветут лилии, и подумал – неужели у моего приятеля не найдется местечка, откуда я мог бы ими полюбоваться?

– Ты всегда желанный друг, – донеслось в ответ, – я скажу ребятам, чтобы они посадили тебя по лучу.

– У меня небольшой корабль. Катер.

– В таком случае, почему бы тебе не сесть в резиденции? – откликнулся собеседник, – вопросов будет меньше, а воли – больше.

Экран погас. Ошеломленный Чеслав повернулся к своему спутнику.

– Вы... вы на «ты» с губернатором Лены? Но он же присягал на верность империи....

– А кому, ты думаешь, я сбываю товар? Зеленоглазым жукам в неоткрытых частях Галактики? А когда я ремонтирую катера, я сажаю их на сожженных планетах и ползаю по ускорителю с отвертками?

– Я думал, – сказал Чеслав, – что вы покупаете мелкую сошку. Пограничника с орбитального форта. Майора с таможни.

– Зачем? Майор с таможни делится с начальником смены, начальник смены – с начальником космопорта, начальник космопорта – с главой региона, глава региона – с губернатором.

– Замолчите! Вы ненавидите империю. Это государственная измена – то что вы говорите.

– Иди сюда, Денес, – позвал Эйрик, – мы входим в атмосферу, это лучше делать в противоперегрузочном кресле.

И, обернувшись к Чеславу:

– Надеюсь, курсант, что вы не вздумаете читать вводный курс Школы Опеки за обеденным столом у губернатора.

* * *

Давно подмечено – чем ниже гравитация на планете, тем безудержней фантазия архитекторов. Колонны, поддерживающие огромные массы камня, стремительно худеют, купола уходят в немыслимую высь, арки начинают очертаниями напоминать носы гиперпространственных истребителей, и любимым украшением зданий становятся свешивающиеся с потолков, арок и карнизов гроздь искусственных сталактитов.

Гравитация на Лене составляла 0,4 стандартной.

Искусственно насыпанная гора – всего каких-то пятьсот метров высоты, не горка, а холм по местным масштабам, – на которой расположилась резиденция губернатора, возвышалась над западными пригородами. Дворец напоминал паутину, подвешенную последними лучами заката к невидимым, парящим на орбите спутникам.

Из кружевной беседки, где был накрыт ужин на четверых, открывался прекрасный вид на город, и на самой грани между городом и резиденцией раскинулся залитый огнями парк Пяти Тысяч Героев, – разноуровневые прожекторы, сиреневые шары деревьев, и над ними, в воздухе, – серебряная стрела, увенчанная древним десантным катером.

Над массивным столом парил огромный красный конус из переливающихся углей; гости особыми вилочками цепляли сырые ломтики чего-то, что, на взгляд Чеслава, могло быть с равным успехом моллюском, мясом или овощем, и сами клали их в угли. Угли шипели, из шара стекал пьянящий ароматный сок.

В воздухе лениво кружились несколько шаров, излучающих теплый красноватый цвет; вверху, над шарами, поблескивала голографическая копия памятника Пяти Тысячам. Губернатор Тарета был верным слугой отечества. По его распоряжению копия памятника должна была быть закуплена каждым учреждением на Лене, частным ли, государственным. Кстати, монополией на производство патриотических сувениров владела сестра губернатора.

Угли уже догорали. Сырые ломтики кончались, к великому облегчению Чеслава, который боялся опозориться.

Губернатор Эрад Тарета, полный, длинноволосый мужчина лет шестидесяти, положил на тарелку двузубую вилку, удовлетворенно рыгнул и откинулся в кресле.

– Я и не знал, что у тебя такой взрослый сын, Эйрик, – сказал губернатор.

Ван Эрлик улыбнулся. От всей его фигуры исходило довольство и уверенность; довольство хорошей пищи, уверенность дорогого костюма и гладко выбритых щек. Это был совсем не тот человек, который, сломленный болью и смертью, капитулировал перед главой Оперативного Штаба, не тот, кто с веерником в руках сидел в разрушенном доме на выжженной планете; наглый тип, ненавидящий людей и любящий деньги. Такого невозможно представить себе в числе Пяти Тысяч. «А ты бы мог быть в числе Пяти Тысяч?» – спросил себя Чеслав.

– Странное имя для сына ван Эрлика, – прибавил губернатор, – Впрочем, очаровательный мальчик.

– Шестнадцать – это уже не мальчик, – ответил ван Эрлик, – в шестнадцать я командовал кораблем.

«И убивал людей по приказу нелюди», – подумал Чеслав.

– Стоит ли думать, что ты поручишь сыну командовать... ну, например, дредноутом?

– Откуда ты взял, что у меня есть... дредноут?

– Слухи, друг мой, слухи. О верфях Аркуссы.

– Обо мне ходят много слухов, – ответил ван Эрлик, – один даже показали в новостях.

О том, что я убит в секторе Розы и что генерал Чебира получит те две на десять в восьмой, что назначены за мою голову. Если не ошибаюсь, удача убить меня выпала генералу Чебуре пятый раз.

Девушка, бывшая с губернатором, гибко встала и вышла из беседки. Она вернулась через несколько минут с крупным прозрачным сосудом, в котором плескалась коричневая жидкость. Девушка была ненамного старше Чеслава, и молодой стажер сначала решил, что она приходится губернатору внучкой. Потом он решил, что она приходится ему женой.

Теперь он не был уверен и насчет жены.

– Хотите чаю, господа? – спросила девушка.

– Какого чая? – не понял Чеслав. Чай было общим именем для большинства травяных настоев, употреблявшихся в горячем виде.

Девушка засмеялась. Платье ее было то серебристым, то розовым, то прозрачным, и Чеслав все время прятал глаза, чтобы не смотреть на девушку.

– Это настоящий чай, который рос на Земле, – сказал губернатор, – очень капризное растение. Легко приживается на других планетах, но почти полностью меняет вкус. Мы выращиваем его на Южном Материке, прямо на почве Земли. Мы пробурили скважины, прошли два метра льда, забрали почву, дезактивировали ее – и вот результат.

Темная прозрачная жидкостью полилась в фарфоровую чашку. Чеслав поднял глаза на девушку; платье ее в этот миг растаяло, как сахар, брошенный в кипяток, Чеслав залился краской по самые уши, и, чтобы скрыть свое смущение, с размаху глотнул неведомого дива, выращенного на дезактивированной почве далекой Земли.

Жидкость едва не обожгла небо, Чеслав закашлялся. Далекий напиток легендарных предков, по правде говоря, оказался довольно-таки гадким. На его, во всяком случае, вкус.

Губернатор щелкнул пальцами и сказал:

– Детка. Оставь нас.

Девушка улыбнулась. Платье ее стало розовым. Глаза еще раз встретились с глазами Чеслава. Она улыбнулась и вышла. Губернатор перевел вопросительный взгляд на Чеслава.

– У меня нет тайн от Че, – сказал ван Эрлик.

Губернатор запустил руку в карман и вынул оттуда карточку Высокого банка Локры. Локрийские кредитки позволяли снять безо всяких документов положенные на них суммы в любом банке империи. В качестве владельца они опознавали любое лицо, введшее в них произвольно выбранный код. Служба Опекы очень любила эти кредитки.

Губернатор вежливо поклонился и протянул карточку ван Эрлику.

Ван Эрлик ответил таким же поклоном. Одна его рука накрыла карточку, другая забежала по ней, вводя случайные цифры. Чеслав, не отрываясь, глядел на пирата: на длинные, чуть сплюснутые пальцы с неровно стриженными ногтями, на резко выступающие бугры костяшек и на его смуглое, резко вылепленное лицо с короткими темными волосами и черными боеголовками глаз.

– Этот подарок, – сказал губернатор, – скромный дар потомственного генерала Каницы за то, что его корабли чувствуют себя столь безопасно на космических трассах вот уже целый год.

– Я благодарен твоему шурина, – с едва заметной долей иронии откликнулся ван Эрлик.

Губернатор вздохнул.

– Ты давно не был в наших местах, коммодор, – сказал он.

– Разве моему другу генералу Канице так хочется повидаться со мной опять?

Губернатор сдавленно засмеялся.

– У тебя прекрасный катер, – сказал он.

– Стандартный «Подсолнух».

– Новейшей модификации, с противолозерной броней. Говорят, катера такого класса имеет только Служба Опеки, да еще тот самый дредноут, который угнали с Аркуссы. Я ценю твой такт, коммодор. «Эдем» возле Лены вызвал бы изрядный переполох.

Смуглый пират невозмутимо улыбался.

– Но он мог бы оказать большую услугу империи, – сказал губернатор Лены.

– Вот как?

– Как ты знаешь, – сказал губернатор Лены, – я унаследовал этот пост от своего отца, а тот – от нашей бабушки, светлейшей Маргариты. И наша бабушка имела под управлением почти треть сектора Чаши, – и Лену, и Альтайю, и Деннер. Планеты были разделены между ее детьми, моя тетка Отилия, губернатор Альтайи, умерла четыре года назад, и когда она умерла, Альтайю наследовал ее сын.

– И при чем здесь интересы империи? – уточнил Эйрик.

Губернатор Лены заговорщически перегнулся через стол.

– Губернатор Альтайи – сын ее мужа, но не ее! – заявил он.

– Подменыш, что ли? – справился ван Эрлик, и в глазах его заиграли веселые чертики.

– Мы проверили геном, – заявил губернатор Лены, – и выяснили то, что всегда подозревали, – Отилия не могла иметь детей! Они засунули в инкубатор чужую яйцеклетку, но этот подлец заплатил первому министру десять в восьмой эргталеров и сохранил за собой планету; а когда я и мои родичи собрали флот и решили прогнать его с планеты, он обложил Альтайю тройным налогом и на эти деньги построил орбитальный форт и два корвета! Высочка из ниоткуда, чужая яйцеклетка, добился за взятку управления целой планетой, а чтобы отбить эти деньги, облагает граждан непомерными поборами, создает частный флот!

– И в чем же заключается моя помощь?

– «Эдем». Он разнесет весь флот Альтайи!

– Но это война! – вскричал Чеслав. – Вы предлагаете нам атаковать мирную планету!

– Я же не предлагаю вам мятеж против императора, – искренне удивился губернатор Лены, – я предлагаю вам встать на защиту законов империи, попранных взяточником из числа царедворцев и наглым высочкой, который тратит незаконно полученные им доходы на незаконно созданный им флот! Да Основатель Империи за такое отдал бы его Живоглоту – на опыты!

Чеслав был готов провалиться сквозь холм. Он был удивлен еще перед посадкой, когда губернатор империи приветствовал пирата и военного преступника как своего ближайшего друга. Он был поражен, когда губернатор передал ван Эрлику немалые деньги, – судя по всему, просто за то, чтобы тот не трогал корабли его родича. Но это! Война! Губернатор планеты просит пирата напасть на соседа! Разнести флот двоюродного племянника, под тем предлогом, что тот появился не из той яйцеклетки, хотя яйцеклетки здесь были вообще не при чем – губернаторов назначали!

И если в некоторых случаях губернатором становился сын или дочь, это ничего общего не имело с правом собственности на планету! Просто сын или дочь оказывались достойны этого поста! И вот этот человек предлагает им, пиратам, грозить орбитальной бомбардировкой, убить, возможно, миллионы, *для того, чтобы снять с поста официально назначенного на эту должность человека!*

– Так ты согласен? – спросил губернатор.

– Я подумаю, – ответил ван Эрлик.

Гости и хозяин уже распрощались друг с другом, когда губернатор наклонился к пирату и сказал ему вполголоса:

– Кстати, Эйрик, ты привез с собой прелестного мальчонку. Я мог бы его купить – тысяч за двадцать.

– Мальчик не продается, – сказал Эйрик.

– Тридцать тысяч.

– Это мой племянник.

Лорд Эрад Тарета, высокородный губернатор планеты Лена, вздрогнул и обиженно отошел.

Этой ночью стажер Чеслав плохо спал без своего любимого сна. Вместо императора Теофана ему приснилась девица в прозрачном и розовом, и когда он проснулся утром, он сгорел со стыда при мысли о сенсорах, которыми наверняка была набита спальня.

* * *

Черно-серый эсминец массой покоя в двести тридцать тысяч тонн медленно поворачивался над затянутой в сиреневые облака планетой. Где-то вверху, в направлении сектора Чаша, таяло серебряное свечение гиперпространства, в которое ушел вражеский катер. Внизу – в гамма-диапазоне, пронзающем насквозь толстые облака, было видно, как догорают на поверхности Харита останки космоатмосферника.

Гнаться за катером не было смысла. Эсминец превосходил его по массе по крайней мере в восемьдесят раз, а это означало, что уйти в гипер он может только на расстоянии от планеты, в восемьдесят в кубе раз превышающем то, с которого прыгнула дерзкая маленькая блоха.

Экипаж эсминца был весьма разнороден: в кресле капитана сидел человек, но командир штурмовой группы, вытянувшийся перед ним, был баррийцем. Барриец был выше человека на добрый метр, и, что еще важнее, без всяких увечий. Его острый сорокасантиметровый клюв с шевелящимися белыми рыльцами нависал над капитаном, и на рыльцах взбухали капли токсина.

За штурманским пультом сидел представитель еще одной разумной расы – локр. Локры были идеальными штурманами, а мозг их по быстродействию превосходил компьютер. К сожалению, этим похвальным качеством локры обладали не всегда, а только в период, свободный от брачных игр, и потому всей империи локры были известны под прозвищем «полудурки», не совсем верным, – ибо локры пребывали совершенно без разума не половину, а не больше трети взрослой жизни.

Это был довольно странный экипаж из рас, непохожих ни разумом, ни обычаями, ни биологией. Объединяло их только одно: если присмотреться, видно было, что у человека под растянутым воротничком комбинезона роится серая дымка, и такая же дымка иногда появлялась сквозь перья баррийца.

– Команда на отстыковку не проходит, – доложил командир штурмовой группы.

– Почему?

– Челноки мертвы. Комп заработал единственный раз. На нем появилась надпись, что если мы не уберемся прочь, то управление откажет по всему эсминцу.

– Блеф!

– А космоатмосферник тоже в блеф врезался?

Человек повернулся к штурману.

– Сообщите им, что нам надо всего лишь похоронить своих людей. Что мы извиняемся за беспокойство.

С клубкового тела локра соскользнуло несколько чешуек. Просыпавшись на панель управления, чешуйки подхватились, слепились в клубок поменьше и зашныряли по клавиатуре.

– Скажи им, – продолжал человек, – что мы – враги принца Севира. Что нам нужно оружие, чтобы победить его. Враг моего врага – мой друг!

На экране внезапно вспыхнули строки:

– У Детей Плаща нет друзей. У Детей Плаща есть лишь Плащ. Ваш корабль опознан, Верховный Брат. Улетайте.

Верховный Брат Плаща медленно повернул голову.

Его штурман оплывал в пилотажном кресле, принимая удобную шарообразную форму. Отдаленные части тела сбились в кучку на панели управления.

– Ты запомнил тех, кто был на катере?

На главном экране медленно проступили три изображения. Девятилетний мальчик с ониковыми глазами. Высокий подросток с военной выправкой и холодным взглядом спецназовца или преступника. Смуглый темноволосый человек лет тридцати пяти с изломанной бровью и улыбкой теплой, как реликтовое излучение.

– Первых двух нет в банках данных, – сказал штурман, – третий – Эйрик ван Эрлик. Уроженец Харита. В возрасте девятнадцати лет командовал корветом «Томия», нанеся смертельные повреждения флагману Флота Вторжения. Был объявлен военным преступником. Занялся пиратством. За голову его назначена награда в два на десять в восьмой эргталеров. Согласно неподтвержденным сведениям, пять дней назад Эйрик ван Эрлик был уничтожен спецгруппой «Алайя», которой руководит один из заместителей начальника Службы Опекы, генерал Чебира. Согласно другим неподтвержденным сведениям, Эйрик ван Эрлик три дня назад угнал из орбитальных доков Аркуссы дредноут «Эдем». Всего зафиксировано восемнадцать случаев сообщений о гибели Эйрика ван Эрлика.

– Ну что же, брат, – сказал человек, – если коренные уроженцы планеты отказываются говорить с нами, быть может, мы можем побеседовать с их приемным сыном? Ты засек след?

– Да, брат, – ответил локр, – курс – внутренние области сектора Чаши, предположительно – они полетели на Лену.

* * *

После разговора вроде того, который полковник Трастамара имел с собственным начальством, большинство сотрудников Службы Опекы, да и не только ее, заторопились бы в столицу.

Ибо кого бы ни вышибли из вакуума в секторе Розы, – зазевавшегося контрабандиста с фальшивым транспондерным кодом, один из фрегатов ван Эрлика, или просто раздолбали пустой корабль, имитируя успешный бой за приз в двести миллионов эргталеров, – ясно было, что генерал Чебира всерьез настроен их получить.

Но полковник Трастамара не был озабочен такими частностями. Фрегат «Астарта», находящийся в подчинении Оперативного Штаба Службы Опекы, оставался возле Аркуссы, и подчиненные полковника снимали показания со всех свидетелей угона «Эдема», и, что еще важнее, со всех камер слежения, запечатлевших лицо «коммодора Аоко», руководившего пиратами.

Обвинений никому пока не предъявляли, тем более что руководитель филиала, барр Аристарх Фор, покончил с собой раньше, чем Служба Опекы успела подобрать спасательный бот. Барр сплел когти и разорвал себе горло, проделав это с соблюдением всех причитающихся церемоний на глазах трех шокированных техников, засунутых вместе с огромной птицей в космический гроб объемом четыре кубических метра. Перед смертью барр прочел трем бедолагам длинную лекцию о чести и достоинстве, и, как заметил один из слушателей, «говорил-то он вроде по-нашему, но я ни черта не понял».

Полковник Трастамара, один в каюте, как раз изучал эту самую речь, когда над дверью зашелестел звонок. Лепестки ее разошлись, и в каюту вошла майор Син, как всегда безупречно

подтянутая, высокая, с короткой мальчишеской стрижкой и едва заметным ароматом летних фиалок.

– Медицинская сводка ван Эрлика, сэр! – доложила майор Син, кладя на стол чип.

Трастамара поморщился. Стандартные методики требовали регистрировать допрос на трех уровнях – вербальном, визуальном, и физиологическом. Результаты сводили в таблицы, загоняли в память, снова сводили в таблицы и снова анализировали. На один допрос приходилось пятнадцать рапортов. Полковник Трастамара не очень-то любил эти рапорты. После операции на Ондаёе родилась мрачная шутка, что праправнук Живоглота предпочитает допросам расстрел, дабы не отягощать душу писаниной.

Анализ ответов ван Эрлика полковника интересовал меньше всего: он не стремился вытянуть из пирата правду, он хотел завербовать его.

Майор Син вставила чип в один из разъемов стола и доложила:

– Аппаратура наблюдала за состоянием ван Эрлика в течение трех периодов времени. До допроса нейронаручники передавали данные на стационарный носитель. Во время допроса съём информации шел по семи параметрам – от уровня химии клеток до скрытых моторных реакций.

– Ну?

– Взгляните сами, сэр.

Поверхность стола полыхнула ворохом кривых.

– Вот здесь. Здесь. И здесь, – точеный палец Родай Син указывал узловые точки. – Это совсем незначительные отличия. Практически – у границ нормы.

График мигнул и переменялся снова.

– Это график со штаммом Венора. Как видите, вначале реакция не отличается от реакции обычного человека. Кривая Веноры. Пик. Паралич дыхательных мышц. Вот – здесь он пытается дотянуться до кнопки. Потом ему вводят нейтрализатор. А вот здесь – посмотрите. Это произошло через пять минут после вашего разговора. Его печень начинает вырабатывать белок, подавляющий «венору». А еще через полчаса этот белок начали вырабатывать его лейкоциты.

– То есть он сейчас вне опасности? – тупо спросил Трастамара.

– Сэр. Я не понимаю, каким образом иммунная система человека может начать вырабатывать белок, уничтожающий специально сконструированный ретроштамм.

Полковник молчал минуты полторы. Потом вызвал мостик.

– У нас есть пеленг на ван Эрлика?

Мостик отозвался в том смысле, что последний сигнал был засечен с Харита, а потом челнок снова ушел в гипер. Предположительно – в направлении Альтайи или Лены.

– Мы улетаем, – сказал Тристамара, – прыжок по готовности.

– А Рамануссен? – спросила майор Син.

– Мы переходим к плану «соло».

– Но...

– Майор, я правнук Живоглота.

– Это не дает вам права жертвовать...

– Родай, – перебил ее Трастамара, – я правнук создателя Медеи.

Майор Син молча кивнула.

* * *

Восьмилетний мальчик по имени Денес сидел на песчаной дорожке в парке Пяти Тысяч Героев. Розовые и белые цветы – продукт генетических экспериментов, – расстилались вокруг,

вились над дорожкой, спускались вместе с песчаной полосой к пруду, из которого белой молнией взлетала стрела памятника.

Денес смотрел на орхидею, качавшую перед ним головкой. У орхидеи, выросшей в условиях легкой гравитации, были огромные пурпурные лепестки, усыпанные бархатной пылью тычинки и сиреневый, скрученный, как бараний рог, пестик. Денесу не нравились пурпурные лепестки. Слишком агрессивно. Как будто не цветок, а флаг.

Мальчик протянул руку. Его пальцы сомкнулись на стебле цветка. Со стороны могло даже показаться, что пальцы нырнули в глубь стебля, так же легко, как кошачий язычок ныряет в мисочку с молоком.

Послышались шаги, и на садовую дорожку вышел Чеслав. Молодой стажер был в белой полупрозрачной рубашке и в белых же брюках, которые Эйрик вчера заказал по кредитке. Брюки были из того же псевдоживого материала, из которого делали погоны сотрудников Службы Опек, и Чеславу было так неуютно, как будто он надел погоны на задницу. Он никогда не носил таких дорогих вещей. Кроме того, он хорошо понимал, что деньги на эти брюки получены предателем человечества путем грабежа.

Чеслав улыбнулся мальчику и сел перед ним на дорожку.

– Что, Денес – красиво?

– Не знаю, – ответил Денес, – мне кажется, что белые цветы все-таки лучше.

– О чем это ты?

– Вчера они были белые, – мальчик указал на роскошные плети цветущих орхидей. Но пришел такой большой человек, которого зовут господин Эрад, и сказал, чтобы они были красные, и другие люди выкопали белые цветы и посадили красные. Я думал, что как только он это скажет, цветы станут красными. А они не стали. Почему?

– Потому что губернатор не может превращать цветок из красного в белый по своему желанию, вот почему, – сказал Чеслав.

– А почему люди стали пересаживать цветы?

– Потому что они слуги губернатора.

– А что значит – губернатор?

– Это значит, что любой человек на планете должен его слушаться.

– А кого слушается губернатор?

– Генерала сектора.

– А генерал сектора?

– Императора. Император выше всех людей, Денес.

– А генерал сектора сильнее губернатора, да?

– Да.

– Значит, – спросил Денес, – если генералу сектора надо поменять цвет орхидей, ему не надо отдавать приказаний слугам, так?

– Нет, – сказал Чеслав, и стряхнул с брюк раздавленный стебелек травы, – ни один человек не может вот так вот, силой мысли взять и изменить цвет орхидеи.

– А император может?

– Нет. Император такой же человек, как другие.

– Но ты сам сказал, что император выше всех людей. Как можно быть выше и таким же?

– Я имел в виду, что все приказания императора должны исполняться.

– Но почему они должны исполняться, если он такой же человек, как и все другие?

Молодой стажер Службы Опек улыбнулся.

– Потому что люди несовершенны, Денес. Есть люди, которые лгут, крадут и убивают. И надо, чтобы кто-то говорил, что людям можно делать, а что нельзя. Чтобы кто-то устанавливал нормы добра и зла.

Денес задумался.

– Я не понимаю, – сказал Денес, – ты сказал, что люди несовершенны и что император как все люди. Как же можно, чтобы нормы добра и зла определял кто-то несовершенный? А вдруг он определит их неправильно?

– Знаешь, Денес, лучше прекратить этот разговор. Он слишком сильно смахивает на государственную измену.

Голос ребенка был все так же тих и спокоен.

– Что значит государственная измена?

– Обсуждение вещей, которых не должно обсуждать!

– Но, Чеслав, ведь мы как раз и обсуждаем самую важную вещь об императоре! Если ее нельзя обсуждать – разве это не является доказательством как раз того, о чем я говорил: что несовершенный император неправильно определил то, что можно, и то, что нельзя.

– Слушай, Денес, тебе восемь лет. У тебя были странные воспитатели – но неужели они никогда не говорили тебе: «Нельзя». Или «Это чужое».

– Нет, – сказал Денес, – у нас нет чужого.

Стажер открыл рот и закрыл его. У харитов не было чужого. У них было только свое и ничье. И собственности у них не было. «Они сделали людей своей собственностью!» – объяснил генерал Чебира, когда начал читать курс.

– Ну хорошо. Ну, а вот если бы Они – не хотели, чтобы ты, скажем, купался у водопада, а ты бы все равно выкупался – такое было?

Однажды ночью Чеслав на спор с приятелями отправился прыгать с плотины. Фокус был в том, чтобы преодолеть три возведенных вокруг объекта рубежа безопасности, обмануть видеошары, а потом спрыгнуть в реку с высоты в триста метров. Выигрывал тот, кто использовал меньше всех антигравитационных патронов. Переполох был тогда жуткий. СО искала диверсантов месяц.

– Было, – обиженно сказал мальчик, – но мне не дали искупаться. Меня поймали у самой воды.

Чеслав почувствовал легкое раздражение.

– Но понимаешь, человеческое общество устроено так, что оно не может всегда ловить своих членов у самой воды.

Зато оно может поймать искупавшегося и... ну, допустим, заставить его неделю драить сортир зубной щеткой. Люди не могут предотвращать все преступления. Они умеют за них только наказывать. Власти же не всевидящие!

– Разве нельзя устроить власть так, чтобы она была всевидящей?

Чеслав стряхнул еще одну травинку. К его досаде, они так и липли к брюкам. Травинки были переливчатого серо-зеленого цвета, и когда он пригляделся к ним, то он увидел, что они украшены гербом империи. Так было задумано. Каждая травинка в парке должна была напоминать посетителям о подвигах героев и величии империи; свыше пяти миллионов эргталеров ушло на исследования, свыше семи миллионов – на ежегодный уход за парком. К сожалению, как вчера объяснили Чеславу охранники, невежественные посетители топтали траву и писали свои имена на памятнике, и когда губернатор расширил свою резиденцию, парк пришлось закрыть для народа.

Теперь парк Пяти Тысяч Героев могли посещать только гости губернатора.

– В разные времена люди устраивали власть по-разному, – сказал Чеслав. – Были, например, времена, когда правителей избирали из богатых людей. Обычно богатые избирали самых богатых. Они принимали решения, обязательные для всех остальных. Это называлось олигархия. Но эти люди принимали решения, которые были выгодны богатым и невыгодны бедным. Богатые богатели, а бедные становились бедней, и в конце концов такое общество погибало потому, что во время войны бедные не хотели погибать за богатыми.

– Эти богатые люди были очень глупы, – сказал Денес, – они должны были избирать правительство из всех. А не только из себя.

Чеслав был рад, что полгода назад он прослушал дополнительный курс Основ Истории Общества. Курсанты редко выбирали дополнительные курсы. Свободное от учебы время они проводили в барах. Они считали, что для того, чтобы опекать общество, достаточно иметь погоны. Но Чеслав всегда полагал, что для того, чтобы опекать общество, надо знать, как оно устроено.

– Такие правительства тоже были, – сказал Чеслав, – при них принимали законы, которые нравились большинству. Но так как большинство человечества во все времена состояло из лентяев, такие правительства в конце-концов начинали принимать законы, которые отдавали лентяям все то, что заработали трудолюбивые люди.

– Это не очень умно, – сказал Денес.

– Кроме того, такие правительства очень плохо справлялись с кризисами. Как только им угрожала война или кризис, они спорили вместо того, чтобы действовать, и к тому времени, когда разные партии договаривались друг с другом, война оказывалась проиграна. И когда разразилась Великая Война, ее выиграл человек, который командовал войсками единолично.

Чеслав помолчал и показал вдаль, на серебряную стрелу, взмывающую из озера.

– Семь эсминцев, два корвета и торпедоносец «Запад» с общим экипажем в четыре тысячи девятьсот девяносто семь человек атаковали Лену, только для того, чтобы отвлечь силы противника и чтобы крошечный десантный катер с тремя офицерами мог доставить на ее поверхность смертельный вирус, и каждый из этих пяти тысяч знал, что идет на смерть. Они сделали это ради императора и человечества. Пять Тысяч Героев погибли, а император победил. И с тех пор мир процветает, потому что только император соединяет в своем лице чаяния всех и только он может позволить себе не слушать ни богатых, которые хотят ограбить бедных, ни бедных, которые хотят ограбить богатых.

– Но если он не слушает ни богатых, ни бедных, кого же он слушает, кроме самого себя? – спросил Денес.

Молодой стажер вздохнул про себя и подумал, что учителя ребенка были чудовищами. Если бы вместо чудовищ он учился у генерала Чебиры, ему бы быстро отбили охоту задавать такие вопросы.

Чеслав встал с травы и заметил, что на его белых брюках не осталось ни пятнышка. Было неприятно думать, что по такой же технологии, по которой делают вечно чистые погоны, люди с толстым кошельком могут сделать вечно чистые штаны и попирать своей задницей траву с гербом империи.

Герб империи создан не для того, чтобы садиться на него задницей. Герб империи создан для славы и смерти.

– Знаешь, Денес, – сказал стажер, – давай погуляем по городу. Ты видел когда-нибудь неразрушенный город? Я только переоденусь, и мы пойдем.

Через минутут Чеслав скрылся за поворотом дорожки.

Мальчик продолжал сидеть, не шевелясь.

Нет, белые лепески определенно красивей. Мальчик поднял руку, и его пальцы сомкнулись со стеблем цветка.

Как же сделать лепестки – белыми?

Орхидея начала медленно менять свой цвет.

* * *

Эйрик ван Эрлик покинул резиденцию губернатора Эрада Тареты еще затемно. Весь день он бесцельно бродил по городу, занырявая в маленькие магазинчики и пересаживаясь с одного

флайера на другой; в одном магазине он сменил одежду и обувь, в другом воспользовался общественным коммом.

Дело шло уже к вечеру, маленькое зеленое солнце заваливалось за кружева небоскребов, и на востоке поднимался бледно-салатовый круг отражателя. Эйрик ван Эрлик, в оранжево-желтой рубашке, просторных брюках и сандалиях на босу ногу, вышел из наземной машины на пригородной улочке, забранной с обеих сторон в глухую броню заборов, над которыми цвели синие и фиолетовые деревья.

Калитка, к которой он подошел, немедленно распахнулась: за ней стоял высокий человек лет шестидесяти. Его седые волосы и необыкновенно гладкое лицо заставили бы любого заподозрить, что обладатель лица совсем недавно побывал в руках специалиста по травматической регенерации.

Ван Эрлик и хозяин дома обнялись, и хозяин приветливо улыбнулся, обнажая крепкие белые зубы.

– Ты выполнил мое поручение?

– Он придет.

– А вещь, которую я просил?

Хозяин дома молча подал ван Эрлику белую пластиковую коробочку. Тот сунул ее в карман и шагнул внутрь.

– Еще что-нибудь?

– Да, Сури. Полное обследование организма. На имплантаты.

Сури кивнул и молча повел ван Эрлика за собой в глубь дома.

Через пятнадцать минут пират встал с кресла, отцепляя от тела последние датчики.

– Ну что?

Сури и ассистировавший ему лаборант молча подали Эйрику распечатку.

Метапластмасса в правом локтевом суставе, чужеродная органика в сердце, композитные сплавы в районе бедра. Ничего нового. Старый список – наследие всех переделок, в которые ван Эрлик когда-то попал, включая ту, первую, пятнадцать лет назад, когда корвет с разнесенными вдребезги двигателями рухнул на поверхность Харита.

Полковник Станис Александр Рашид Трастамара не засунул в него ничего. Не считая «веноры».

– Имплантатов не выявлено. Однако у тебя что-то странное с кровью, Эйрик. И с иммунной системой. Я могу взять для анализа пункцию костного мозга.

– Не надо, – отказался ван Эрлик.

Одевшись и осторожно погладив в кармане белую коробочку, ван Эрлик покинул дом.

Минуты через три он входил в общий зал небольшого ресторанчика, смежного с задней стеной особняка Сури.

Ресторан был невелик и, подобно многим дешевым забегаловкам, пытался скрыть это фальшивой голостеной, изображавшей огромный балкон, выходящий в залитый ночными огнями парк. Судя по тому, что голограмма была сильно сдвинута в фиолетовую часть спектра, ресторанчик предназначался в основном для крийнов.

Ван Эрлик как раз задумался над тем, стоит ли ему ограничиться только жареной кенафкой или заказать еще и суп из альтусий, когда кто-то опустил на стул напротив.

Ван Эрлик поднял голову и увидел Чеслава. Полные губы подростка были твердо сжаты, серые глаза глядели, словно в принцел. Высокий, худощавый, в новой дорогой одежде, с гибкими движениями тренированного бойца, он походил на избалованного сына наркоторговца или губернатора.

– Любишь крийнскую кухню? – спросил ван Эрлик. – Советую заказать ротату и шнасс.

Чеслав с облечением последовал его совету.

Официант-крийн, неслышно возникший за их спинами, принялся сгружать с мерцающего подноса горшочки и тарелки со снедью. Собственно, подноса не было – было силовое поле, угасавшее по мере уменьшения числа тарелок и наконец погасшее совсем.

Ротата оказалась чем-то вроде непроваренной древесной коры. Когда прибыл шнасс, Чеслав поковырялся палочкой в тарелке, пытаясь определить составляющие вони, и спросил:

– Это что, личинки жука-навозника?

– Да, – сказал ван Эрлик, – у крийнов они деликатес. Они выдерживают их на солнце десять дней, чтобы они как следует протухли, а потом лепят из них котлетки. В качестве скрепляющего фермента они используют собственную слюну. Они пережевывают личинки во рту, а потом отрыгивают их и заправляют маслом.

Чеслав посмотрел на тарелку своего собеседника, где дымилось что-то восхитительно прозрачное, с острыми рыбьими костями, торчавшими наружу, и запахом курицы, и принялся за шнасс. На курсах выживания их заставляли есть даже дерьмо барров.

В заключение им принесли кофе, налитый в суповую тарелку.

– Сэр, – спросил официант-крийн ван Эрлика, – вам не понравилось?

– Все замечательно, – сказал Эйрик.

– Просто я заметил, что на вашей тарелке много костей, – сказал официант, и одобрительно покосился на пустую тарелку Чеслава.

– Люди не едят кости, – объяснил Эйрик.

Последним официант принес блюдечко, на котором горкой лежали темно-серые камушки.

– Гравий для заточки задних зубов, – сказал официант и гордо удалился.

– Зачем вы меня вчера оставили на ужин, – спросил в упор Чеслав, – Вам хотелось поставить под сомнение мою верность Императору, да?

Ван Эрлик пожал плечами.

– Губернатор одной планеты просит напасть на другую. Он же не просит нападать на императора? Причем тут верность империи?

– При том, что это война! «Эдем» может разнести целую планету, и губернатор Тарета не поставил никаких ограничений!

– Это война, – сказал Эйрик ван Эрлик, – но сектор, которым правила Маргарита Тарета, был слишком велик, и император Валентин намеренно раздробил его. А потом его наследник нарочно стравил родственников друг с другом, чтобы они не объединились против императора. Император не сочтет орбитальную бомбардировку Альтайи изменой. Он сочтет ее необыкновенно удачным продолжением своей политики.

– Вы враг императора, – сказал Чеслав, – а рая на земле никогда не было.

– Был, – отозвался Эйрик. – Я провел там девятнадцать лет. Потом я шлепнулся о его поверхность. Наши компенсаторы взорвались еще до входа в атмосферу. Мы сыпались на планету по частям. Нас было семнадцать человек. Выжил только я.

Эйрик помолчал, а потом его смуглое лицо зажглось изнутри, словно в него вставили лампочку.

– А вот и мой гость, – сказал ван Эрлик.

Чеслав оглянулся: у стола стояла красивая серая птица с толстым брюшком и короткими крыльями. Она была похожа на филина-переростка, если бы не кисточки вместо ушей и умные фасеточные глазки.

– Вы – таир? – полувопросительно сказал Чеслав.

Таиры были исключительно редким видом разумных и почти не покидали свой мир.

– Дом Келен, к вашим услугам, – поклонился филин.

– Прости, что потревожил тебя, – сказал Эйрик, – у меня к тебе дело.

– Я не участвую в твоих делах, – отозвался таир.

– Я привез с собой мальчика. Ему восемь лет, и его зовут Денес. Я прошу, чтобы ты забрал его с собой и дал ему семью и защиту.

Чеслав нахмурился. Он предполагал, что ван Эрлик прилетел на Лену, чтобы устроить мальчика. Но не ожидал, что ван Эрлик обратится для этого к чужакам.

Дом Келен наклонил голову в знак согласия, и ван Эрлик снова улыбнулся. Вчера на обеде с губернатором Таретой ван Эрлик улыбался довольно много, но тогда у него улыбались одни губы. Теперь у него улыбались глаза.

– По Галактике бродят слухи о дрендоуте под названием «Эдем», – сказал Дом Келен. – В новостях передали, что на верфях Аркуссы произошел взрыв. Изучают возможность диверсии. Исполнительный директор верфи мертв. Следствие ведет полковник Трастамара. А по углам шепчутся, что взрыва не было, и корабль угнан.

– А что, если так? – спросил ван Эрлик.

– Это очень плохо, – сказал Дом Келен.

– Что же тут плохого, – сказал ван Эрлик, – если я получу «Эдем» и приведу в порядок кое-какие счета?

Если бы Дом Келен был человеком, можно было сказать, что он засмеялся.

– Я сомневаюсь, – проговорил таир нараспев, – что для того, чтобы привести в порядок Галактику, нужно оружие. Я сомневаюсь, что любое оружие, разработанное людьми, искоренит алчность, зависть или предательство.

– У меня нет корабля, – медленно проговорил ван Эрлик, – это была ловушка. Тринадцать моих людей остались заложниками у Трастамары, и он пообещал мне вернуть их, если я принесу ему голову принца Севира.

Фасеточные глазки таира медленно повернулись к Чеславу.

– А кто же этот юноша? – спросил таир.

– А это юноша, с которого я буду срезать мясо кусочек за кусочком, если с моим экипажем что-то случится, – криво улыбнулся ван Эрлик.

Чеславу, который не совсем так представлял себе свою роль, слова эти понравились даже меньше, чем *инасс*, – и в эту минуту ван Эрлик, сидевший лицом ко входу, застыл и подался вперед. Чеслав обернулся.

В ресторан, покачиваясь, входили трое. За ушами смешно топорщились кисточки, фасеточные глазки бегали по залу. Таиры. Такие редкие на этой планете.

– Пошли, – сказал Эйрик.

Но было уже поздно. Бурые филины в комбинезонах космолетчиков углядели соплеменника и радостно направились к нему.

– *Гари!* – громко сказал один из таиров, – *канакхи ва?*

Таир растерянно смотрел на соотечественников.

Пилоты отступили на шаг. Тот, который говорил, – Чеслав готов был поклясться, – слегка изменился в лице. Ушные кисточки поднялись вертикально.

– Это не таир, – завизжал таир на Стандарте. – Держите его, это не таир!

Эйрик ван Эрлик распрямился, как согнутая пружина. Пятка его угодила одному из таиров чуть ниже левого плеча, туда, где у чужака сплетались нервные узлы, управлявшие пищеварением и дыханием. Тот рухнул, словно выключенный робот. В следующую секунду товарищ его отлетел далеко в сторону, угодив спиной в искусственный водопад.

– Держи воров! – раздалось уже с соседнего столика.

Что-то гибкое и длинное обвило талию Чеслава. Тот обернулся и увидел, что его нежно прижимает к себе щупальцам гигант-чуник.

– Попался, – нежно сообщил чуник.

Сверкнула вспышка. Парализованный чуник застыл с раскрытым ртом.

– Не стоит ввязываться в чужие драки, – вежливо сказал ван Эрлик.

Станнер в руке ван Эрлика чавкнул еще дважды, тарелки и горшочки сыпались из рук застывшего официанта. Обед в ресторане, который содержали крийны, имел то несомненное преимущество, что крийны никогда не ввязывались в чужие драки и никогда не устраивали свои.

– За мной! – рывкнул ван Эрлик, ныряя через фальш-стену.

Вместо балкона и сверкающего парка за голостенной была узкая лестница. Пахло ксеноморфами и помоями, откуда-то снизу гудел неисправный генератор, и на площадке топтался жирный полицейский в бронеткани. Заслышав шум, он растерянно полез в кобуру. Заряд станнера угодил ему прямо в лоб.

Все трое выскочили во двор: с неба моросил холодный дождь, в лужах расплывались дрожащие огни вывесок.

– В арку! Налево! – скомандовал ван Эрлик.

Но когда они выскочили из арки, там уже раскорячился флайер Службы Порядка, и выпавшие из него полицейские защелкали предохранителями.

– Отбегались, касатики, – произнес чей-то голос, прекрасно слышный благодаря нацепленному на куртку чипу.

– Мы не преступники, – сказал Чеслав, – эти трое таиров пристали к нашему другу с непристойным предложением. Они...

– Они сказали, что ваш друг – подделка. Один из них сказал, что это харит.

Станнер Чеслава шлепнулся в лужу на мостовой. С поспешностью, постыдной для отличника боевой подготовки, который только что, не моргнув глазом, сожрал целую тарелку *инасса*, Чеслав отпрыгнул от спутника.

– На мостовую! На мостовую, тварь поганая! Только шевельнись, и мы тебе два мегаджоуля меж глаз всадим! Харит не харит, ему хватит!

Когда пинок полицейского бросил его в грязь, Чеслав на мгновение увидел улицу за собой и бесконечный ряд фонарей, уходящих к самой луне. И внезапно осознал, что их задержанных только двое. Ван Эрлик словно растворился в мокрой темноте.

* * *

Дальнейшее напомнило Чеславу те операции, в которых он сам принимал участие: правда, со стороны охотников, а не со стороны дичи. Их положили брюхом на мостовую, прямо в грязную лужу, и скрутили руки за спиной, предварительно обвинив шнур силовых наручников вокруг горла.

Чеслав ожидал все время, что попавшийся с ними субъект растечется туманным мраком, или обернется драконом, или полицейским – но ничего подобного. Тот так же страдальчески тыкался носом в грязь и пыхтел, когда шнур слишком сильно врезался в кожу.

Спеленутых, как начинка в пельмене, пленников погрузили на подоспевшее «блюдечко» и довели по воздуху до участка. Спустя десять минут они были водворены в камеру: клетку из грубых стальных прутьев.

От сильного пинка Чеслав полетел кувырком. Между прутьями клетки с негромким хлопком вспух пузырь силового поля.

– Эй, – закричал Чеслав в мутнеющий воздух, – позвоните губернатору, – слышите, позвоните губернатору! Я гость Эрада Тарады!

Ни звука в ответ.

Чеслав изо всей силы пнул ногой прут, – тот мягко спружинил и отозвался внушительным электрическим разрядом, от которого стажер покатился наземь.

– Не стоит, – тихо сказал Дом Келен, – эти стенки реагируют на силу, с которой их пихаешь.

Чеслав оглянулся на бурую птицу. Кое-как вскарабкался на колени и сел подальше. Вколоченный годами ужас перед чудовищами был куда сильнее чувства общности попавших в беду.

Птица сидела, не шевелясь, чуть улыбаясь своими бледно-желтыми глазками.

– Ты правда харит? – спросил Чеслав.

Таир спокойно кивнул.

– Тогда почему ты здесь? Разве ты не можешь превратиться во что угодно?

– Я не могу превратиться во что угодно, – сказал Дом Келен, – во всяком случае, я не могу это сделать мгновенно. Вы понимаете, сэр Чеслав, – наши способности – они связаны вовсе не с тем, что мы умели превращаться во что угодно. Мы не... как это? Не клоуны.

– Но... ты можешь превратиться в человека?

– Мне лучше не превращаться в человека. Люди сразу увидят, что это... подделка.

– Но... Но что-то ты можешь сделать? Открыть любую дверь, просочиться через наручники...

Чужак вежливо улыбался огромными желтыми гляделками. Молодой стажер в соответствии с предписаниями ментальной техники Ли постарался отвлечься мыслью. Предметом, избранным им для отвлечения, были тактико-технические характеристики линейных кораблей. Когда он дошел до класса «Катана», он улыбнулся и открыл глаза.

Встряхнувшись, постарался отбросить посторонние мысли, и, чтобы чем-то заняться, рассеянно принялся выцарапывать на койке семиконечную звезду.

– Не скребитесь, – попросил чужак.

Чеслав глянул на него с неприязнью.

– Вам неприятно, когда мы меняем свой облик, – вежливо объяснил харит, – нам неприятно, когда вы меняете облик предметов.

* * *

Чеслава разбудили к утру. Камеру заливал ослепительный свет: силовой пузырь погас, за прутьями клетки толпились вооруженные и озлобленные полицейские.

– Куда нас ведут? – спросил Чеслав.

Полицейский лихо козырнул.

– Имеется распоряжение освободить вас и доставить в резиденцию губернатора.

В машине Чеслав забился как можно дальше от попутчика. Тот сидел неподвижно, раскрыв большие овалы глаз и внимательно смотря перед собой. Впрочем, кто мог поручиться, что эта тварь смотрела глазами? А не руками, ушами, носом или любой другой частью того, что было ее телом?

И этой... этому... этим Эйрик ван Эрлик собирался доверить человеческое дитя! Без малейших колебаний рассказал о «Эдеме»! Засветил спецоперацию, за которую принц Севир уничтожит участников до последней ДНК!

Их провели через ночной сад в кабинет губернатора. Личная охрана Эрада Тареты сняла с Чеслава наручники еще на входе в дом. С Дом Келена наручники сняли тоже, но стажер заметил, что охранники старались при этом не прикасаться, пушистым перьям.

Кабинет был залит мягким красноватым светом. Над головой Эрада Тареты висел огромный портрет императора. Эйрик ван Эрлик сидел за столом напротив.

При виде вошедших губернатор встал.

– Приветствую, – сказал он, – я рад, что это маленькое недоразумение благополучно улажено.

Холеные пальцы щелкнули в воздухе – охранники убрались, закрыв за собой двери. Губернатор вынул из кармана небольшую коробочку, нажал на кнопку. Стенка коробочки, в

которой Чеслав узнал индикатор чистоты помещения, налилась зеленым – знак того, что помещение чисто на предмет посторонних «жучков».

– Мне следовало помнить, – сказал губернатор, – что мой друг Эйрик вырос на странной планете среди странных существ, и он может захотеть повидать кого-то из наставников. Право, не знал, что на моей планете обосновались твои уважаемые, – губернатор запнулся, не желая произносить бранного слова, заколебался в выборе, и закончил:

– Сograждане.

– Это легко не знать, – ответил Эйрик, – хариты не нуждаются в машинной цивилизации.

– Не подумайте, коммодор, что меня обижает лишь ваше недоверие. Если бы вы хоть словом обмолвились о ваших дополнительных интересах – помилуйте, я бы мог обеспечить вашим друзьям достойную жизнь.

«И превратить их в заложников», – подумал ван Эрлик.

Вслух он сказал:

– Дом Келен покинет планету вместе со мной. Остальных ты не найдешь – и не будешь искать. В обмен я исполню твою просьбу насчет правителя Альтайи.

Губернатор видимо колебался – глаза его перебегали со смуглого лица ван Эрлика на замерший в углу пушистый силуэт, и обратно. Всеобщее отвращение к чудовищам было слишком сильно.

– И не советую долго думать, – жестко сказал Эйрик, – как ты сам заметил, «Эдем» способен разнести целую планету.

– Минуточку, друг мой Эйрик, – голос губернатора неожиданно посуровел.

– Да?

– Я уже сказал, – промурлыкал губернатор, – что располагаю хорошими – очень хорошими источниками информации, – и они касаются не только угона «Эдема». Скажи, коммодор – какие у тебя дела с полковником Трастамарой?

– Никаких. Говорят, у него ко мне дело. На двести миллионов.

Губернатор сокрушенно покачал головой.

– Вот именно, – сказал он, – два на десять в восьмой эргталеров. Награда за твою голову. И еще – страшный скандал с «Эдемом». Все-таки угнали не флайер со стоянки. А дредоут в девятьсот тысяч тонн массы покоя. Раскрыть такое преступление – это даже нельзя оценить в деньгах. Это власть. Это – удача. Это, как минимум – должность руководителя Службы Опеки. Такими возможностями не швыряются. Так почему же генная карта твоего спутника, которую сняли в тюрьме, с вероятностью до девяноста семи процентов свидетельствует о том, что он – сын Трастамары?

Ван Эрлик медленно повернул голову. Вот оно как. Что ж, он мог бы сам сообразить, почему полковник Трастамара отпустил с ним такого странного сопровождающего – мальчишку шестнадцати лет, жизненный опыт которого был ограничен лекциями в Высшей Школе Опеки.

Когда дело касалось наследника императора, Станис Трастамара не мог никому верить.

Молодой стажер вскинул голову и сделал шаг вперед. Его ломкий голос внезапно приобрел твердость брони. Подбородок был воинственно задран вперед.

– Что ж, губернатор, – сказал Чеслав Ли Анастас Трастамара, потомственный генерал и отличник Высшей Школы Опеки, – если вам стало известно, что коммодор ван Эрлик отныне является секретным и доверенным агентом Оперативного штаба, то вы тем более должны способствовать успеху нашей миссии, в чем бы она ни заключалась...

– Боюсь, что вы неправильно оцениваете ситуацию, – покачал головой губернатор, – я вел с коммодором ван Эрликом некоторые разговоры, весьма уместные между губернатором и пиратом, но совершенно неуместные при общении с агентом секретной службы. К тому же сын Трастамары вряд ли будет держать язык за зубами.

Чеслав прыгнул.

Он казался хрупким подростком, с ломким голосом и тонкой талией. Когда Чеславу было тринадцать, он поступил в Высшую Школу и в первый же день был бит Вано. Вано был родом с Дарассы, где гравитация составляла 1,8 стандартной, был чемпионом курса по боям без правил и старше Чеслава на три года. Чеслав поднялся, вытер кровавые сопли и бросился на Вано снова. И снова был бит.

На следующий день Чеслав напал на Вано с ножом, Вано перекинул его через себя и сломал ему руку. Когда Чеслав вернулся из лазарета, он подошел к Вано и снова полез с ним драться. Через пять схваток Вано смирился и дал себя побить. Вано понимал, что Чеслав не успокоится, пока кто-нибудь из них не убьет друг друга, и ему не хотелось сидеть за убийство потомка Живодера и не хотелось быть убитым.

Два года спустя на первенстве курса Чеслав отправил Вано в нокаут, хотя тот по-прежнему был тяжелее его на тридцать килограмм. «Победа – это вес, помноженный на скорость, – сказал перед поединком тренер. – Если в тебе не хватает веса, не переживай. Луч лазера ничего не весит». «Он дерется на ковре, как на улице», – сказал судья.

Быстроте Чеслава позавидовал бы даже барр.

Бдительно вспискнул детектор движения, и между губернатором и его гостями с негромким щелчком от схлопывающегося воздуха развернулся мерцающий силовой экран.

Засверкали белые разряды, и Чеслав без стога осел на пол. Силовой экран вообще не рекомендуется долбить головой – это абсолютно твердое тело. В первые же секунды развертки, когда экран собирает все случившиеся неподалеку заряды статического электричества, он может еще и шибануть парой сотен вольт.

– Не дергайся, мальчик, – спокойно сказал губернатор, – это относится и к моему другу ван Эрлику. Что же касается третьего в вашей странной компании, то я рекомендую ему не шевелиться вообще, потому что мои люди, которые сейчас целятся в вас, крайне нервно настроены по отношению к харитам.

Из дальней стены внезапно выступили трое вооруженных охранников. Вот оно что: стены в кабинете, собственно, и не было, а вместо нее была голографическая поверхность с односторонней проницаемостью, позволявшая невидимой страже все это время держать гостей в перекрестье прицела.

Ван Эрлик медленно, двумя пальцами, расстегнул пояс с кобурой. Та неторопливо, подчиняясь низкой местной гравитации, упала на пол. Один из стражников обвел пирата электронной «рукавицей».

– Чист, – сообщил он.

Смех губернатора напомнил кваканье альгийских червей.

– Ну наконец-то я вижу моего дорогого друга ван Эрлика без оружия! Так что же такое важное происходит в мире, чтобы обедневший и многочисленный род Трастамара отказался от двухсот миллионов?

– Инфляция, – ответил ван Эрлик.

– Что?

– Инфляция. Деньги в вашей гребаной империи стали такие дешевые, что на двести миллионов можно купить разве что рыбацью хижину с видом на химзавод.

Смуглокожий пират невозмутимо улыбался. Чеслав со стоном приподнял голову. Комната кружилась, как центрифуга.

– Мой друг, – сказал Эрад Тарета, – поверь, у меня просто сердце разрывается при мысли о том, что ты должен умереть, потому что за мертвого ван Эрлика я получу только половину награды. Но согласись: я не могу вести бизнес с агентом Трастамары.

– Так в чем дело? – пожал плечами ван Эрлик, – убей мальчишку, Эрад, я только приплачу.

Губернатор Лены озадаченно нахмурился.

В следующий миг пальцы ван Эрлика сомкнулись на запястье стоявшего за ним охранника. Ботинок с композитными подковками ударил, не целясь. Хрустнула коленная чашечка, охранник упал на пол, ван Эрлик вскинул отобранный веерник. Двое других охранников выстрелили мгновенно. В том месте, где стоял ван Эрлик, вспыхнул столб раскаленного воздуха. У пирата не было ни единого шанса.

Локальный гиперпереход – забавная штука.

Когда космический корабль прыгает от звезды к звезде, он не движется в обычном пространстве. Он складывает его, как лист бумаги, в пространстве большего числа измерений, и таким образом счастливо избегает релятивистских эффектов. К сожалению, вероятностные принципы, лежащие в основе мира, доставляют при гиперпереходе массу неприятностей: точку выхода при прыжке на сто световых лет нельзя определить с точностью, превышающей две-три тысячи километров, а само пространство, деформированное мощными двигателями, начинает трястись, словно пораженное нервным тиком. Не очень-то страшно для корабля, но напроочь исключает все попытки прямого гиперперехода с одной планеты на другую. Не очень-то приятно промахнуться на две тысячи километров вверх или вглубь.

Другое дело – локальный гиперпереход. Белая коробочка, врученная ван Эрлику владельцем ресторана, давала возможность перенести небольшую – не свыше 113 кг массу на столь же небольшое – до 7 метров расстояние. При таких характеристиках вероятностные эффекты не достигали порога Хейзенхоффера.

За мгновение до того, как лучи скрестились на ван Эрлике, Эйрик сжал коробочку. Воздух схлопнулся вокруг того места, где он только что стоял. Пират исчез – чтобы появиться по ту сторону силового барьера. Губернатор сдавленно охнул, когда ему в ребра уткнулся тяжелый шатровый «Шторм», только что отобранный у охранника.

– Бросьте оружие, – скомандовал ван Эрлик стражникам.

И губернатору:

– Кто-нибудь еще знает о ваших планах?

– А... э...

– Сообщите слугам, что вы решили прогуляться на яхте вокруг планеты.

Ван Эрлик улыбнулся и добавил:

– Кстати, ты правильно заметил, что нам не мешают деньги.

Глава третья

Опекун и его власть

Люди стремятся к свободе, как вода падает вниз.

По счастью, у нас теперь есть антигравитационные установки.

Император Чеслав

Начальник оперативного штаба Службы Опекы полковник Станис Трастамара вошел в роскошное здание, похожее на водопад резного камня, взлетевший вверх в антигравитационном колодце.

Губернатор Лены поднялся навстречу из-за стола драгоценных хансийских пород. Лицо его источало счастье.

– Господин полковник! Что привело вас в наш затерянный мир?

– Погоня за ван Эрликом.

– Ван... ван... – губернатор озадаченно заморгал, – где-то я слышал это имя... Кажется, чиновник, который скрылся со взяткой...

– Бандит, который восемь часов назад взял вас в заложники.

На лице губернатора отразился неподдельный испуг.

– О боже! Теперь я вспомнил – так это был ван Эрлик?!

– Да, и мне интересно, как он оказался в вашем кабинете.

– Видите ли, – взгляд Эрада Тареты был сама невинность, – этот бандит и его спутники – они оказались замешаны в крайне странном происшествии. Бандит обедал с... гм... харитом... то есть это был таир, – вы видели таиров? Так вот, этот таир не поменял цвет при приближении молодой самки, или что-то в этом роде, возник конфуз, кто-то закричал, что это не таир, бандита и его спутников схватили.

– Спутников?

– Да, таира, который был э-э... харитом, и подростка лет шестнадцати. Услышав, что на вверенной моему попечению земле обнаружился подозрительный чужак, я велел доставить задержанных в резиденцию, дабы принять должные меры, или, напротив, убедиться в ложности слуха. Увы – злоумышленники перехитрили мою охрану...

– И это был первый раз, когда вы видели Эйрика ван Эрлика?

– Клянусь, я даже не знал, что это ван Эрлик!

– В таком случае почему его катер сел на ваш личный космодром?

Губернатор развел руками.

– Именно это я сейчас и выясняю, полковник! Насколько я понимаю, речь идет о возмутительнейшем случае коррупции, проявленной кем-то из начальников смены.

– Я был бы рад помочь вам в расследовании этого случая коррупции, – вежливо сказал полковник Трастамара.

* * *

Люди Станиса Трастамары ворвались в ресторанчик для крйинов в полночь. Штурм был внезапным и жестоким: кое-кто спяну принял лазерные лучи за часть ночного шоу. Потом ничего не подозревавших посетителей клали на пол штабелями, а по всему зданию шел великий шмон.

Имперская СО обнаружила в здании три лишних подземных этажа, автоматы с виртуальными играми, установленные без лицензии правительства, наркоцветы и небольшой бор-

дельчик, где в мире уживались представительницы и представители самых разных рас. Там же, в бордельчике, были застигнуты некоторые высокопоставленные чиновники, причем не всех из них застали с особями собственного вида: межрасовый секс был до удивления популярен в определенных кругах общества.

Бедолага Сури пытался было качать права и, схлопотав от десантника изрядную оплеуху, завопил, что паршивые «хамелеоны» еще пожалеют о своей самодеятельности.

Он прекратил вопить только тогда, когда в его кабинет втащили начальника городской полиции, без штанов и с липкой красноватой жидкостью, заляпавшей бюстгигиену порядка всю мошонку. В жидкости было легко признать квазисперму, выделяемую таэллиийскими самками при прикосновении к телу партнера.

– Да что вы делаете? – ахнул Сури, – да вас...

Один из спецназовцев, несильно размахнувшись, ударил его в живот приемом «летающая ласточка», Сури задохнулся и рухнул на пол, теряя сознание.

Когда его подняли и поставили на ноги, он увидел перед собой невысокого человека с молодым лицом, странно контрастировавшим с платиновыми волосами, и с талией такой тонкой, что бластер в кобуре на ремне казался шире ее. На человеке были легкие брюки и легкая рубашка, и только странный зеленоватый блеск ткани свидетельствовали о том, что рубашка эта может с расстояния до трех метров отразить лазерный луч.

– Я Станис Трастамара, – сказал человек, – глава Оперативного штаба Службы Опек.

– Я... э...

Обрушившееся на него несчастье показалось Сури безмерным, как дали гиперпространства. Вся свою жизнь, с младых ногтей, он знал, сколько берут околотовные и сколько участковые, сколько берет майор из Службы Порядка и сколько – начальник космопорта. Он понятия не имел, сколько берет начштаба СО. Он сильно опасался, что начштаба СО плохо представляет себе специфику деятельности такого учреждения, как скромный ресторанчик для крийнов, и запросит взятку, которую просто невозможно заплатить.

Трастамара швырнул ему через стол планш-сканер.

– Протокол обыска, – сказал Трастамара, – наркотики, запрещенные игры, особи, ввезенные без надлежащего на то разрешения, в том числе и из миров, не принадлежащих Империи. У тебя скверная привычка устанавливать кристаллокамеры в местах тайных свиданий, Сури, – вряд ли начальнику местной таможни или помощникам губернатора понравится, что ты снимал их развлечения. Кстати, записи мы изъяли. А самому губернатору вряд ли придется по душе, что ты забыл ему уплатить деньги за лицензию на виртуалки. Прочти и поставь отпечаток сетчатки.

Сури зажмурился было, чтобы не «оставить зрачок», но здоровенный детина, нежно сжавший ему шею, заставил его переменить свое мнение.

– Уважаемый господин полковник, – пролепетал Сури, поднимая глаза от планш-сканера, – а мы не могли бы как-то договориться?

– И что же ты можешь мне предложить?

– Мое скромное заведение приносит около тридцати тысяч в год...

Тут голова Сури взорвалась болью, а когда он очнулся, он обнаружил, что сидит, крепко принайтованный к стулу в своем же кабинете, а напротив него, за его собственным роскошным столом, сидит полковник Трастамара. А посередине стола лежит маленький красный иньектор.

– Ты, вероятно, имеешь в виду чесцианский год? – осведомился Трастамара.

Чесция обращалась вокруг солнца за двадцать пять стандартных суток.

Сури вежливо захихикал.

– Мне достаточно дать этому ход, – известил Трастамара, помахав планш-листом в воздухе, – и тебя посадят на тридцать лет за уклонение от налогов. Мне достаточно передать начальнику Службы Порядка тебя и кристалл с твоими записями – и тебя найдут повесив-

шимся в камере через три дня. Почему через три, хочешь ты спросить? Потому что на руках и гениталиях трупа будут обнаружены многочисленные порезы и ожоги, а также травмы внутренних органов, которые самоубийца, по своей наглой привычке, наносил себе в течение трех дней перед тем, как покончить со своей никчемной жизнью... Я ясно выражаюсь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.